

ИСТОРИЧЕСКАЯ

АВАНТЮРА

Евгений ШАЛЯШОВ

ДЕКАБРИСТЫ-
ПОВЕДИТЕЛИ

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

Историческая авантюра (Крылов)

Евгений Шалашов

Декабристы-победители

«Крылов»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84Р1-44

Шалашов Е. В.

Декабристы-победители / Е. В. Шалашов — «Крылов»,
2019 — (Историческая авантюра (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0336-7

История похожа на быстро летящий поезд, на пути которого то и дело попадаются стрелочные переводы. Свернешь на один путь – доедешь до станции, свернешь на другой – полетишь под откос. Декабрь 1825 года, восстание декабристов – одна из важнейших развилок истории. Мы все знаем, как разворачивались события. Но мы не знаем, что было бы, победи декабристы. А один верный приказ, один решительный поступок, один меткий выстрел – и всё пошло бы другим путем. Вот оно и пошло другим... Поручик Николай Клеопин оказался в самом эпицентре событий. И, как все, очутился на кровавом распутье: предать, изменить присяге, вступить в ряды победивших и развязавших гражданскую войну или бежать и прятаться? Или, может быть... начать свою собственную партизанскую войну? Разлом прошел не только по судьбе поручика Клеопина. Он прошел и по дому Романовых, и по судьбам Пестеля, Рылеева, Сперанского, Ермолова, Пушкина и многих, многих других. У каждого теперь будет новая судьба, у каждого новая война...

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-4226-0336-7

© Шалашов Е. В., 2019

© Крылов, 2019

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Глава пятая	39
Глава шестая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Шалашов

Декабристы-победители

© Шалашов Е., 2019

© ИК «Крылов», 2019

Глава первая

Эпистолярное наследие минувшей эпохи

Август-декабрь 1825 года. Санкт-Петербург

Из письма поручика лейб-гвардии егерского полка Николая Клеопина Элен Щербатовой:

«14 августа осьмсот двадцать пятого году.

Здравствуйте, уважаемая Элен Харитоновна! Извините, что опять несколько задержал с ответом. Конечно, Вы вновь справедливо меня укорили в том, что прочесть Ваше письмо я мог бы в пять минут, а от усадьбы Вашего папеньки до наших казарм верховой домчит письмо в два с половиной часа. Но я читал Ваше письмо не пять, а сто раз по пять минут. Увы, служебные дела так отвлекают меня, что ответ сумел дать лишь через два дня.

Я уже сообщал Вам, что нонеча назначен был полковым адъютантом. Увы, занятость не позволяют ответить Вам на языке вышеупомянутого лорда. Узнал на днях, что Ваш папенька чрезмерно расстроен разорением, что претерпел его любимый пиит, *ser Walter Scott*. Сообщите ему (папеньке, разумеется, а не этому аглицкому сэру), что и я в меру своих скромных сил и средств готов помочь. Присланный Вами рыцарский роман прочел с огромным прилежанием и даже осмелился распорядиться переплести его в лучшую кожу, какую можно найти в Санкт-Петербурге.

Засим с огромным и искренним почтением и уважением, поручик лейб-гвардии егерского полка Николай Клеопин».

Из письма поручика лейб-гвардии егерского полка Николая Клеопина Павлу Еланину, командиру роты Вятского пехотного полка в местечко Каменка Малороссии:

«18 августа осьмсот двадцать пятого году. Писано в Петербургских казармах л. гв. егерского полка.

Здравствуй дорогой Поль! В прошлом письме ты спросил меня – как продолжается дело мое о сватовстве? Отвечаю – никак! Рара моей Элен, как ты знаешь, является известным англоманом. То, на что позарилась моя дражайшая матушка при начале сватовства – приданое и имение, граничащее с моей родной деревушкой Панфилка, что в Новгородской губернии, оказалось на поверку правдой. Слышал краем уха, что Харитон Егорович уже ведет переговоры о покупке этой части имения, чтобы передать его в приданое для дочки. Словом, старикан не прочь породниться с нами. Он, оказывается, в бытность ополченцем хаживал с моим покойным батюшкой в Париж. Только вот беда, что еще после Аустерлица, где старый князь участвовал (правда, без моего батюшки, бывшего тогда в шведской кампании), Харитон Егорович отвратился от всего французского и принялся учить аглицкий. Добро бы только сам! Так ведь он и для детей своих выписал гувернантку из англичан – леди Гаррах. И от будущего зятя требует безукоризненного знания аглицкого... А я, как знаете, паст инфектум не отличу от паст префтимьют (или как там?). Тьфу! Вот и приходится при получении писем будущей невесты тащиться к знакомому из департамента иностранных дел. То же самое и с ответом... А

еще, представь себе – фатеру (или фазеру?) взбрело в голову помочь деньгами Siry (seru?) Waltery Scotty. Говорят, тот был признан банкротом.

Ладно, брат. Отпиши лучше – как на новом месте? Как там твой Вятский пехотный? Как новый командир – полковник Пестель?

Засим откланиваюсь. Твой друг, поручик егерского полка Николай Клеопин.

P.S. Вспомнил недавний анекдотец. Одна княгиня, божий одуванчик, беспрестанно повторяла: «Вальтер-то он, конечно, Вальтер. Но зачем же его еще и скотом-то звать?»

Из письма поручика лейб-гвардии егерского полка Николая Клеопина невесте:

«20 августа осьмсот двадцать пятого года. Писано в казармах.

Здравствуйте, уважаемая Элен Харитоновна. Простите меня великодушно, но заняться аглицким языком, совершенно не было времени. Из-за вакаций в полку мне пришлось исправлять не только адъютантскую должность, но и стать исполняющим обязанность командира роты, так как прежний командир подал прошение об отпуске по семейным обстоятельствам и отбыл в имение родственников. Однако нет худа без добра. Его Высокоблагородие направил прошение на имя командира гвардейской пехоты генерал-лейтенанта Бистрома о присвоении мне чина штабс-капитана. Обещаю Вам, что в самое ближайшее время займусь Шекспиром.

Искренне преданный Вам поручик Николай Клеопин».

Из дневника Элен Щербатовой:

«20 августа 1825 года.

Сегодня получила письмо от Ники. Он такой смешной. Когда папенька разрешил ему ухаживать за мной и обмениваться письмами, клятвенно обещал, что выучит аглицкий язык к Рождеству. Папенька сделал вид, что поверил, хотя на самом-то деле Ники ему просто понравился. А аглицкого языка папенька и сам толком не знает. Выписывает уйму книг, разрезает, переплетает и... ставит на полку! А вчера я слышала, как маменька вздохнула: «Партия не блестящая, зато надежная». Папенька ответил, что на всех девок Рюриковичей не напасешься, а мальчик не ферштюк какой-нибудь, а боевой офицер. С Ермоловым два года служил и за Кавказскую войну крест имеет. Надо бы лучше денег призанять, да половину Борисоглебского Ленке в приданое откупить.

Интересно, о каком Борисоглебском он говорил? Не о том ли, что в Нелазской волости Череповского уезда? Тогда мы будем соседями с матушкой Николеньки.

22 августа 1825 года.

Сегодня леди Гаррах сделала мне замечание – почему я веду дневник на французском языке, а не на аглицком? Ага, чтобы она совала свой длинный нос в мой дневник?! Забавно, но когда папенька первый раз представил нашу гувернантку, она показалась мне такой страшной. А потом услышала, что дворня называет ее «леди Горохова». Мне было так смешно! А папенька как-то сказал, что леди Гаррах и в самом деле носит фамилию Горохова. Я тогда очень удивилась, а он объяснил, что когда англичане бежали от Кромвеля, то многие поселились в России. Забавно, но оказывается, многие знатные люди, имевшие

звучные фамилии, стали переделывать их на русский лад. Гамильтоны стали Хомутовыми, а Мак-Магоны – Макагоненко.

Теперь самое важное. Вчера приезжал Николенька. Так хотелось поговорить с ним о чем-нибудь, но не знаю, о чем говорить. Получается как-то глупо – я говорю все не о том. А о чем говорить, я даже и не знаю.

10 сентября 1825 года.

Сегодня Николеньке было даровано звание штабс-капитана. Я так рада за него. Но он почему-то не приехал. И почему-то записку о присвоении чина прислал не мне, а батюшке. Когда я спросила, – почему Ник не смог сегодня приехать, то папенька только ухмыльнулся в усы. Сказал, что положено представляться (или проставляться?) господам офицерам в полку. А зачем представляться? Ладно, если бы Николенька переходил в другой полк. Странные эти люди, военные. И вообще, все мужчины странные».

Из письма штабс-капитана лейб-гвардии егерского полка Николая Клеопина другу Павлу Еланину, командиру роты Вятского пехотного полка в город Каменку Малороссии:

«15 сентября осьмсот двадцать пятого году. Писано в Петербургских казармах л. гв. егерского полка. Здравствуй, дорогой Поль! Письмо твое, присланное с оказией, получил еще в конце августа, однако сразу ответить не смог. Причиной явилось то, что можно передать словами того англичанина, которого я вынужден читать по прихоти моей невесты: «Неладно что-то в Датском королевстве». (Как хорошо, что почтенный father стал почитателем англичан, а не китайцев или арабов).

Многие наши офицеры либо сказываются больными и берут отпуска, либо вообще просят отставку. А ввиду того, что Государь Император пребывает в Таганроге, отставки им никто не подписывает. Но начальство смотрит сквозь пальцы на неявки на службу. Более того, скажу Вам, подходит ко мне третьего дня командир полка и спрашивает: «А не хотите ли Вы, господин штабс-капитан, в имение съездить?» Но как уехать, если из всей роты осталось всего три офицера, а в полку их осталось не более двадцати?

Касательно женитьбы. С разрешения любезнейшего Харитона Егоровича вместе с Элен Харитоновной отстоял службу на праздновании Рождества Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Счастье, что, заделавшись англومانом, у Харитона Егорыча хватило ума не заделаться пуританином (или кто там у них сейчас?).

Остаюсь преданный друг лейб-гвардии егерского полка поручиком штабс-капитан Николай Александров Клеопин.

P.S. О главном-то и не сказал. Подписал по привычке – поручик, а ведь я уже цельный штабс-капитан! Ввиду отсутствия Императора, реляция подписана военным министром Татищевым. Погудели славно. Элен потом дулась целый день.

Из дневника Элен Щербатовой:

23 сентября 1825 года.

Слава Богу, папенька разрешил именоваться нам без этих «вичей». Хотя в своем дневнике и в мыслях я давно уже зову его просто «Николенька». Николенька недавно назвал меня Аленушкой. Было так приятно. Кажется, имена Елена или Алена (что, впрочем, одно и то же) звучат гораздо лучше, нежели какое-то дурацкое Элен.

29 сентября 1825 года.

Николенька бывает очень редко. Папенька ему только поддакивает. Нет бы сказать – а почему это, мой будущий зять, Вы так мало уделяете времени своей будущей невесте?! Я попыталась было поговорить об этом с папенькой, а он только зыркнул на меня и оборвал: «Молчи! Не женского это ума дела». Вечером плакала».

Из письма штабс-капитана лейб-гвардии егерского полка Николая Клеопина другу Павлу Еланину, командиру роты Вятского пехотного полка в город Каменку Малороссии:

«15 октября осьмсот двадцать пятого году.

Здравствуй, мой дражайший друг Поль. Был очень рад получить письмо. Рад, что ты нашел для себя душевных друзей. Не скрою – немного завидно. У нас же все по-старому – казармы да караулы. Сегодня заступил дежурным по полку, и посему есть время черкнуть пару-тройку строк друзьям. А лучшему другу, разумеется, напишу более подробно.

О делах сердечных сообщать особо нечего, но, кажется, все идет на лад. Но все же хотелось бы, чтобы папаша был русофилом. Да и Элен моя больше походит на русскую Аленушку, нежели на чопорную аглицкую girl. Но все же, повторяюсь – дело идет на лад. Где-нибудь ближе к Рождеству будет объявлено о нашей помолвке. А уж к весне следующего, осьмсот двадцать шестого года, обязательно сыграем свадьбу. Тебя, мой дорогой друг, я хотел бы видеть шафером. Я говорил со своим начальником о свадьбе, он не возражает, хотя спросил, будет ли молодая супруга следовать за полком, или же я собираюсь подавать в отставку? Объяснил ему, что пока до имения Элениного батюшки всего лишь пара часов, то подавать в отставку не намерен. А буде наш полк направят куда-нибудь на Кавказ, то супруга может меня подождать и дома.

Засим – твой преданный друг Николай Клеопин».

Из письма штабс-капитана Николая Клеопина Элен Щербатовой:

«1 ноября осьмсот двадцать пятого года. Казармы лейб-гвардии егерского полка.

Дорогая Элен. Ужасно хотелось бы увидеться с Вами, когда рядом не будет Вашей дуэньи. Или пусть даже она будет рядом. И пусть она изрекает свои аглицкие сентенции. Когда Вы рядом со мной, то мне этого достаточно. Одна беда – свободного времени у меня все меньше и меньше. Надеюсь, что Ваш папенька не сердчает, что я не смог составить ему партию в шахматы? Харитон Егорович упрекает меня в том, что я вожу дружбу с г-ном Еланиным. Павел Николаевич – прекрасный человек и офицер. И в Вятский пехотный полк Поль (как мы его зовем меж собой) перешел не из-за каких-то там карбонарских или фрондерских штучек, а исключительно из-за дуэли с поручиком S. Кстати, дуэль так и не состоялась, потому что поручик попросил извинения. Нет-нет, не из-за трусости, а просто признал свою неправоту. Он даже настаивал, что право первого выстрела уступает Еланину. О дуэли стало известно, и все стороны были наказаны. Поручик как вызвавший на дуэль направлен на Кавказ, а Еланин и секунданты в провинциальные полки. Скажу Вам откровенно, дорогая Элен, секундантом Павла должен быть я. Но я в ту пору отсутствовал. И даже не знаю – радоваться или огорчаться. С одной стороны – не был рядом с другом. С другой – не был бы сейчас рядом с Вами. Кстати, Павел Николаевич очень хвалил своего полкового командира Пестеля.

Батюшка Ваш тоже хорошо о нем отзывался. Представьте, Пестель принял худший в корпусе полк и в короткий срок сделал его одним из лучших!

Простите меня Элен, что я так горячо рассказываю о вещах, которые Вам, должно быть, скучны, и ничего не говорю о своих занятиях аглицким языком. Но, как мне кажется, Ваш папенька готов принять меня в женихи и так. Николай Клеопин».

*Из письма к штабс-капитана Николая Клеопина другу Павлу Еланину:
«15 ноября осьмсот двадцать пятого года.*

Здравствуй, уважаемый Павел Николаевич.

Получил вчера твое письмо, которое, не скрою, меня очень озадачило. Ты спрашиваешь, как я отношусь к «семеновской истории», о которой тебе рассказал подполковник Муравьев-Апостол? С его слов, полковник Шварц «бессмысленными учениями и постоянными придирками настроил нижних чинов против себя», что и привело к бунту. Возможно. Насколько мне известно, Лейб-гвардии Семеновский полк, был лучшим в армии. А что увидел Шварц, приняв полк? Нижних чинов, которые вместо строевых смотров и выполнения ружейных артикулов занимаются исполнением работ, которые следовало выполнять исключительно градским обывателям. Разве должен защитник Отечества шить сапоги, латать исподнее для мещан или вязать перья для султанов на продажу? А унтер-офицеры, превратившиеся в коробейников, распродают по столице товары своих солдат? Вы уверяете меня, что честные офицеры, такие, как подполковник Муравьев-Апостол, пострадали зря, потому что «он не позволил своей роте присоединиться к мятежу». А как бы еще должен поступить командир, дававший присягу? И что делали «честные офицеры», которые попустительствовали тому, что их солдаты стали превращаться в капиталистских крестьян? Право, друг мой, я не могу Вас понять. По мне, так полковник Шварц поступил так, как он должен был поступить. Далее в своем письме, странном для меня, Вы пишете, что Александр Васильевич Суворов-Рымникский боролся с тиранами. Я слышал, что Александр Васильевич был отправлен в ссылку за то, что отказался снимать полюбившийся ему австрийский мундир. Вы знаете, дорогой друг, когда-то мой предок, поручик Аггей Клеопин, служивший, к слову, в одном полку с братьями Орловыми, отказался выступить против законного императора Петра, за что и заработал вначале остуду императрицы, а потом ее уважение и чин бригадира? Простите мое долгое и сумбурное письмо, но, думаю, что Вы уже поняли мое credo. Храни Вас Господь от опрометчивых суждений и решений.

Ваш друг по-прежнему – Николай Клеопин».

Из письма штабс-капитана Николая Клеопина своей невесте Элен Щербатовой:

«25 ноября осьмсот двадцать пятого года.

Здравствуйте, моя дорогая Елена Харитоновна, моя любимая Аленушка. Не знаю, дошли ли до Вас и до Вашего папеньки тревожные слухи. Говорят, Государь тяжело заболел и врачи не надеются на его выздоровление. Ползут разные слухи – а кто будет императором? Странно – и кому нужны эти черные сплетни? Разумеется, императором будет Его Высочество Константин Павлович. Наш корпусный командир генерал-лейтенант Бистром при сегодняшней встрече с офицерами твердо сказал, что иного императора,

нежели Константин, нет и быть не может. Все слухи о «секретном» Манифесте ныне здравствующего императора Александра, дай Бог ему здоровья и скорого выздоровления – вздор. Милая Аленушка, послезавтра, то есть ноября двадцать седьмого числа, я свободен от службы и с самого утра приеду к Вам. Надеюсь, мы наконец-то сможем поговорить без Вашей дуэньи!

Любящий Вас – Н.К.»

Из дневника Элен Щербатовой:

«28.11.1825 года.

Николенька обещался вчера быть у нас, но так и не приехал. Прислал слугу с запиской. Даже не нижнего чина, а какого-то Ваньку-ямщика. И опять, записка не мне, а папеньке. Хорошо, хоть приписочку составил. Папенька показал ее мне, а там только и сказано, что «Извините, уважаемая Элен, служба». Батюшка и рассказал, что накануне Николенькиного отъезда в имение в полк прискакал гонец с приказом от командира гвардейской пехоты Бистрома. Что государь Александр умер еще 19 числа сего месяца. Все гвардейские полки с 7 часов утра стали приводить к присяге. Буду молиться за упокой почившего в бозе Государя Александра Павловича и во здравие нового Императора Константина Павловича».

Любящий Вас – Н.К.»

Из дневника Элен Щербатовой:

«28.11.1825 года.

Николенька обещался вчера быть у нас, но так и не приехал. Прислал слугу с запиской. Даже не нижнего чина, а какого-то Ваньку-ямщика. И опять, записка не мне, а папеньке. Хорошо, хоть приписочку составил. Папенька показал ее мне, а там только и сказано, что «Извините, уважаемая Элен, служба». Батюшка и рассказал, что накануне Николенькиного отъезда в имение в полк прискакал гонец с приказом от командира гвардейской пехоты Бистрома. Что государь Александр умер еще 19 числа сего месяца. Все гвардейские полки с 7 часов утра стали приводить к присяге. Буду молиться за упокой почившего в бозе Государя Александра Павловича и во здравие нового Императора Константина Павловича».

Из письма штабс-капитана Николая Клеопина к другу П.Н. Еланину:

«7 декабря осьмсот двадцать пятого года. Писано в казармах л. гв. егерского полка.

Здравствуйте, Павел Николаевич. Как я понял из Вашего письма, в Каменку сплетни из Варшавы доходят гораздо быстрее, нежели до нас. У нас тоже стали ползти слухи о том, что Константин отрекся от престола, а его место займет Николай.

На Ваш вопрос – чью сторону я займу, отвечу так: я займу сторону законного Императора. Я давал присягу на верность Константину Павловичу. Поэтому буду защищать Императора с оружием в руках. Но коли окажется, что Константин добровольно отрекся от престола в пользу кого бы то ни было – Николая, Михаила – то буду защищать того, кто законным путем займет место на престоле. Я не хочу, чтобы якобинцы тащили на гильотину тех, кто мне дорог и близок. И боюсь, что если в России начнется якобинская революция, то все будет делаться с таким размахом, что Пугачевский бунт покажется игрушкой.

Искреннее Ваш друг (надеюсь!) – Николай Клеопин».

Из дневника Элен Щербаковой:

«10 декабря 1825 года.

Скоро я стану невестой. Как замечательно! Какое это прекрасное слово! Коленькина маменька не приехала, но передала в письме свое благословление. А это, в общем-то, одно и то же. А свадьбу, Бог даст, сыграем весной. Посаженым отцом Коленьки обещал быть сам генерал Бистром». *Из записки штабс-капитана лейб-гвардии егерского полка Николая Клеопина Харитону Щербатову:*

«Харитон Егорович. Молю Вас Христом-Богом! Немедленно берите Аленку, всю семью и уезжайте куда-нибудь подале. Лучше всего, в новгородское имение. Умоляю – прислушайтесь к моим словам! В Санкт-Петербурге не бунт даже, а революция, что будет похуже французской. Как только что-то прояснится – немедленно приеду за Вами. Писано на Сенатской площади 14 декабря 1825 года в 15 часов пополудни. Заклинаю Вас – поезжайте в имение».

Глава вторая

Революция – это удавшийся мятеж!

14 декабря 1825 года. – Санкт-Петербург.

Мятежное каре, изначально состоящее только из двух частей неполного комплекта, стало обрастать сочувствующими. Удалось даже выставить оцепление. Улицы, примыкавшие к Сенатской площади, заполнялись войсками.

Готовились воевать – или, если понадобится, умирать. И всё бы ничего, но торчать на холоде было неприятно. Из-за холода уже начинали посматривать на «супостата» – атаквали бы, что ли... Все потеплее будет!

«Супостат», неспешно стягивающийся и занимающий позиции вокруг мятежников, сам толком не знал – что делать. Командиры «измайловцев» и «преображенцев», коннопионеров и кавалергардов, лейб-егерей и «семеновцев» знали не больше своих солдат. Кажется, нужно защищать императора, которому сегодня приносили присягу – Николая. Но ведь недавно, две недели назад, приносилась присяга Константину? Да и собственно говоря, большинство солдат и офицеров еще не осознавали сам факт присяги.

Еще не коронованный, но уже принявший присягу кавалергардов, Николай отдал приказ стянуть к площади войска, надеясь, впрочем, уладить дело миром...

В тесноте площади, заваленной камнями и бревнами для строительства Исаакиевского собора, действия кавалерии были бессмысленны. Прошли те времена, когда при виде конницы пехота разбегалась. Хорошее каре на кавалерию действовало отрезвляюще. Опытные кавалеристы знали, что лошади не пойдут на блестящие штыки. Вот и сейчас – по приказу Николая, конная гвардия пошла вперед, но стоявшие в каре мятежники отбили атаку нехотя, даже лениво. Да и сами конногвардейцы махали тяжелыми палашами больше для вида. Офицеры видели в рядах восставших своих знакомых, а уж поручика князя Одоевского, адъютанта генерала Бистрома, знала каждая лошадь гвардейских конюшен.

В самом нелепом положении оказался генерал-губернатор Петербурга Милорадович, еще вчера державший в руках управление войсками столицы, уверенный, что после смерти Александра он будет служить Константину и позволявший себе пренебрежительные отзывы в адрес будущего царя. Генералу оставался один способ обелить себя в глазах императора – уговорить солдат разойтись.

Раздвигая лошадиной грудью толпу, Михаил Андреевич пробился сквозь оцепление мятежников и закричал:

– Братцы! Солдаты! Кто из вас был со мной под Бородином и Люценом?! Неужели вы пойдете против законного государя императора?! Ведь мы же вместе с вами сражались за Родину и государя!

Голос Милорадовича подействовал как барабанная дробь на ветерана. Кое-кто из солдат без команды унтера опустил ружье к ноге. Но вперед вышел высокий человек в партикулярном платье и поднял руку с пистолетом...

Никто не знал, что нынешней ночью Милорадович скончается, сказав в полубреду последнюю фразу: «Слава Богу, что не солдат!» Сейчас же всем показалось, что генерал только легко ранен.

У генералов и полковников, стоявших напротив мятежников, что-то «ёкнуло». Не то – в сердце, не то – в душе. Большинство из них и сами были изрядно «замазаны» связями с тайными обществами, начиная от «вольных каменщиков» и заканчивая нынешними «союзами». Милорадович стал героем! Теперь, при восшествии на престол молодого государя, генерал-губернатор будет первым, над кем прольется золотой дождь!

Пока люди с «густыми» эполетами осмысливали ситуацию, произошло нечто, окончательно преломившее ход событий – к Сенатской площади подбежала колонна, чернеющая мундирами гвардейского флотского экипажа. Впереди с обнаженными саблями неслись Бестужевы – Александр и Николай, спешившие на помощь братьям по крови – Михаилу и Павлу, и братьям по духу – всем, кто пошел сражаться с тираном!

Бестужевы совершили то, что должен был сделать Якубович. В казармах гвардейского флотского экипажа их едва не арестовали. Но когда со стороны площади раздались выстрелы, Александр (известный как писатель Марлинский), бросил тот единственно верный клич, на который не может не откликнуться ни один русский человек: «Ребята, там, на площади, наших братьев убивают!» Кто-то из нижних чинов заорал: «Наших бьют!» Теперь остановить моряков было невозможно.

Приход экипажа изменил ситуацию. Первым откликнулся генерал Бистром, командир гвардейской пехоты. Его уважали и «преображенцы», и «семеновцы». А лейб-егеря, с которыми он прошел всю войну 1812 года, вытаскивавшие его, тяжело раненого, из боя под Кульмой, были готовы за «генерала Быстрова» в огонь и в воду!

Вот и сегодня, приняв присягу вместе со своими любимцами, генерал Бистром стоял вместе с ними на Адмиралтейской набережной. Прислушавшись к шуму, генерал выехал вперед, спешил.

– Братцы! – обратился Карл Иванович к егерям. – Сегодня нас обманом заставили принести присягу самозваному императору Николаю. Простите меня, братцы! Виновен.

Бистром встал на колени перед строем. Солдаты и офицеры, первоначально растерявшись, бросились к нему. Раздались выкрики: «Командуйте, Ваше Высокопревосходительство!»

– Там, на Сенатской, умирают те, кто стоит за Константина, за императора, – взмахнул шпагой генерал. – Так неужели мы станем предателями?!

«Ура! Умрем, а не подведем!» – прогремело в ответ. И генерал стал отдавать команды:

– Первый батальон, слушать команду. Командиру батальона – опрокинуть кавалергардов и атаковать «измайловцев». Первая рота – прямо, вторая, не ввязываясь в бой, проходит сквозь ряды и атакует артиллерию. Второй батальон, третья рота...

В это время раздался одинокий голос:

– Ваше Высокопревосходительство, но это измена!

– Что такое?! – взревел Бистром. – Кто посмел?

– Господин генерал! Мы ж императору Николаю присягу давали!

– Молчать! – рявкнул генерал. После секундного колебания – а не приказать ли поднять на штыки дерзкого офицера? – разглядев строптивца, махнул профосу: – Арестовать штабс-капитана Клеопина и доставить на гауптвахту.

Штабс-капитан успел потянуться за саблей, но профос и его помощники дело знали – навалились, сбивая с ног, уткнули лицом в грязный снег и, заламывая руки за спиной, связали. Резким рывком подняли офицера на ноги, сорвали оружие, а полковой профос заученно пробубнил:

– По приказу его Высокопревосходительства, господин штабс-капитан, вы арестованы. Следуйте за мной.

Профос, несший саблю и пистолеты арестанта, возглавил процессию, а два нижних чина, нацелив штыки в обтянутую шинельным сукном спину, повели Клеопина с Адмиралтейской площади к полковым казармам. Того, что произошло дальше, штабс-капитан уже не видел.

...Лейб-гвардии Егерский полк в пять минут опрокинул штыками немногочисленных кавалергардов, прошелся по телам коней и людей и ударил в спину «измайловцев». С этими, несмотря на внезапность атаки и залп егерей, пришлось драться насмерть. Пространство перед замерзшей Невой заполнилось криками, выстрелами и стонами. Все смешалось. Русские солдаты убивали друг друга, не понимая, что они делают.

Каре оставалось на месте, на случай внезапной атаки. И она последовала. Со стороны Галерной улицы по мятежникам открыли огонь «павловцы». Однако их атака захлебнулась. Коннопионеры, выведенные из казарм Михаилом Пуциным, въехали в колонну «павловцев», рассекая ее на части. Первый батальон егерей, между тем, сумел уничтожить большую часть «измайловцев» и пробивался теперь к конвою императора Николая, а со стороны каре на кавалергардов пошел в атаку флотский экипаж.

Конвой Великого князя Михаила Павловича, несмотря на сопротивление последнего, стал уводить его с поля боя, пытаясь уйти под защиту Зимнего дворца. Но из-за давки не смогли туда пробиться. Как оказалось – к счастью. Караулы в Сенате, Адмиралтействе и Зимнем дворце несли солдаты и офицеры 2-го батальона лейб-гвардии Финляндского полка. И хотя командир батальона полковник Моллер отказался выступить на стороне восставших, но руки своим офицерам не связывал. Более того, не воспротивился он и тому, что в караулах околачивались офицеры из 1-го батальона того же полка, среди которых было немало сочувствовавших «якобинцам». Правительствующий Сенат и Адмиралтейство даже не понадобилось захватывать...

Николай Павлович еще с утра приказал усилить караул Зимнего дворца самыми верными солдатами – саперами. Государь считал, что в окружении кавалергардов, под прикрытием «измайловцев» и егерей всегда сумеет уйти во дворец. Но предвидеть измены царь не мог – как только со стороны площади раздались выстрелы, караулы финляндцев принялись убивать саперов...

Уйти император не успел. Его конвой был прижат к штабелям дров перед бараками строителей Исаакиевского собора. А сами рабочие увлеченно расхватывали кирпичи и поленья, забрасывая ими кавалергардов. Не обращая внимания на удары палашей, чернь стаскивала всадников с седел, бросала их под копыта коней. И, наконец, двое мастеровых выбили нижнее бревно штабеля...

Кто стал цареубийцей на этот раз, русская история не узнала. Позже «героев» будет столько, что из их числа можно бы создать целую роту.

Зимний день короток! Уже не видно, кто с кем сражается. Постепенно шум боя стал стихать. Уцелевшие из верных правительству частей, огрызаясь редким огнем и отбиваясь оставшимися штыками, отходили, оставляя на Сенатской площади трупы и раненных товарищей. Замерзшие и усталые солдаты, простоявшие весь день в каре, заполонили весь нижний этаж Сената. В казармы были отправлены гонцы с приказом привезти что-нибудь съестное. За неимением подвод и фур использовались артиллерийские передки, на которые «забыли» загрузить боеприпасы. Часть войск – особенно те, кто примкнул к восстанию позже «закоперщиков» – «преображенцы», конные пионеры, а также те из солдат Финляндского полка, что простояли весь день на берегу и на мостах Невы, походным шагом ушли в казармы. Лейб-егерей, по приказу Бистрома, разместили в Зимнем дворце. Пришлось вынести на улицу тела убитых, не разбирая – кто свой, кто чужой. Гвардейский флотский экипаж занял здание Конногвардейского манежа. В здании не было ни души, зато нашлись дрова, из которых развели костры прямо в здании, благо что полы были хорошо утопты. По приказу Арбузова из состава экипажа были выделены команды, которые, вооружившись факелами, отправились собирать раненых. Об убитых можно побеспокоиться завтра.

...Устроив солдат и распорядившись об усиленных караулах, в Сенате, в зале для совещаний собрался штаб восстания. Помимо главных «революционеров» – полковника Генерального штаба Трубецкого, подполковника Батенькова, поручика Одоевского и корнета в отставке Рылеева, присутствовали те, кто сыграл решающую (или роковую?) роль в сражении: генерал Бистром и братья Шиповы. Из младших офицеров присутствовали лишь Александр Бестужев (его брат был ранен) и Дмитрий Щепин-Ростовский. Сутгоф во время боя был убит. Из статских были только Каховский (правда, убийца Милорадовича был офицером в отставке) и Иван

Пушин. Его брат Михаил, сумевший преодолеть болезнь и помочь восставшим, был отправлен домой.

Руководство собралось за длинным столом, за которым сживали сенаторы. Нужно было много решить, обсудить, но все хотели есть. На столешницу, выдавшую важнейшие документы Российской империи, выставили все, что удалось собрать вестовым по ближайшим лавчонкам – вино и нехитрую еду: ветчину, паштеты, холодную телятину.

Когда «генералитет» насытился, вестовые принесли котелок крепкого кофе, сваренного прямо в сенатском камине. Из буфета позаимствовали кофейные чашки, «презентованные» сенаторам чуть ли не Петром Великим. Задымились длинные чубуки, и только тут и начался разговор, которого все ждали и боялись... Мало захватить власть. Теперь бы ее надобно удержать. Вопрос – как?

– Итак, господа, – взял на себя роль председательствующего Трубецкой. – Правительственные войска разгромлены. То есть разгромлены гвардейские правительственные войска, – поправился он. – Армейские части стоят на западных границах. Думаю, наши братья нас поддержат.

Кое-кто из присутствующих покачал головой, кто-то пожал плечами. Предупреждая вопросы, полковник Генерального штаба сказал:

– Будем ждать известий и поступать в соответствии с обстановкой. Покамест придерживаюсь следующих фактов... Император Николай погиб. Мы, таким образом, захватили власть. Случилось то, к чему готовились почти десять лет.

– Да, господин полковник, случилось, – невесело проговорил Шипов-старший. – Вот только с чем мы это случившееся есть будем? Заварили кашу...

– Есть несколько вариантов, – спокойно отвечал Трубецкой. – Мы можем передать власть императрице Марии Федоровне, а можем уступить ее Сенату. Если не забыли – Сенат и был создан для того, чтобы править Россией в отсутствие императора.

– А если предложить корону Константину или Михаилу? – высказался кто-то.

Предложение повисло в воздухе. Все думали, нещадно дымя. То, что Константин не хотел становиться императором, было известно господам революционерам слишком хорошо, а призывы «За императора Константина и жену его Конституцию!» хороши только для толпы. Михаил... После всего случившегося вряд ли он захочет взять власть из рук убийц своего брата. А даже и возьмет... Александр I, прекрасно осведомленный о заговоре против отца, в «благодарность» за трон отстранил всех заговорщиков от власти. Но тогда все решалось в кулуарах, почти семейно. И уж никак не на площади.

– Что будем делать, господа? – настаивал Трубецкой, прерывая молчание.

– А мы думали, что у вас, князь, как у генштабиста – планы на все случаи жизни, – оборотился Бистром к председательствующему. – На этой полке то, в том портфельчике – это.

– Военные планы строить легче, – вздохнул князь. – Пока мы можем предложить только Манифест. Вот, извольте.

Сергей Петрович вытащил документ:

– Итак, коль скоро государи-императоры сложили с себя власть, то теперь все должны быть перед законом равны... Второе: весь российский народ составляет одно сословие – гражданское. Третье: все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, слагая различные свои названия, составляют один народ русский. Четвертое: вся земля, в каждой волости принадлежащая, разделяется на волостную и частную. Первая принадлежит всему обществу, вторая – частным людям. Остальная земля отдается в наем посторонним людям не иначе, как на один год... – Видя, что слушатели уже утомились, князь попытался приободрить присутствующих: – Ну, господа, еще чуть-чуть. Теперь – о самом важном. Верховная власть разделяется на законодательную и верховно-исполнительную. Первая поручается Народному вечу, вторая – державной Думе. Сверх того нужна еще власть блюститель-

ная, дабы те две не выходили из своих пределов. Народное Вече избирается державной Думой. До тех пор, пока не создана верховно-исполнительная власть, обязанности Думы исправляет Временное правительство. Временное правительство существует до тех пор, пока народ не выберет державную Думу.

Когда Трубецкой закончил, за столом воцарилась тишина. Вот так вот сразу отдать землю и крестьян, расстаться с титулами и званиями собравшиеся еще не были готовы. Но большинство присутствующих были людьми, понимающими, что спорить и ссориться сейчас не время. Но все же генерал Шипов попытался высказать собственные соображения:

– Сергей Петрович, я очень надеюсь, что все, что вы высказали, останется пока только на бумаге?

– Действительно, нужен переходный период, хотя бы на период созыва Вече и Думы, – внес свою лепту Пущин.

– Согласен, – кивнул Трубецкой. – Переходный период необходим.

– Нужно немедленно создавать правительство, – высказался Бистром. – Иначе в стране начнется хаос.

– Как будто он и так не начнется, – мрачно заметил Рылеев. – Завтра начнется гражданская война.

– Завтра? – удивленно воскликнул Пущин. – Кондратий Федорович, да она уже началась. Убит император. В ближайшее время мы получим армию, направленную против нас. Если Великий князь Михаил жив, он станет знаменем роялистов. Его поддержат все губернаторы...

– Успокойтесь, господа, – спокойно произнес Бистром. – Касательно Михаила я уже отдал нужные распоряжения. Надеюсь, Великого князя перехватят.

– Когда и успели? – удивился Трубецкой.

– Когда увидел, как брат нашего Павла Ивановича уводит рыжего Мишку, так приказал, – отозвался Бистром. – Но об этом – потом. Теперь же нужен четкий и ясный план – что делать в ближайшее время. И прежде всего нужно руководство. Сергей Петрович, кого вы планируете в Правительство? Председателем, как я полагаю, будете вы?

– Карл Иванович, я с удовольствием уступлю этот пост вам, – покачал головой Трубецкой.

– Благодарю покорно, – отмахнулся генерал. – Но для роли диктатора нужен человек, которого знают все заговорщики, простите, революционеры. В данной ситуации Правителем можете быть только вы. Итак?

Трубецкой лишь пожал плечами. Хотел он брать власть, не хотел, никто не знает. Но кочевряжиться не стал.

– Прежде всего, – начал князь, – мы хотели пригласить во Временное правительство Михаила Михайловича Сперанского. Затем – Николая Степановича Мордвинова, адмирала. В члены Правительства рекомендован присутствующий здесь Гавриил Степанович Батеньков. И еще один член – Алексей Петрович Ермолов. Скажу сразу, что у меня нет уверенности в согласии со стороны Сперанского, Мордвинова, а уж тем более – Ермолова.

– Кандидатуры достойные, – кивнул Бистром. – Нужно попытаться заручиться их согласием.

– Карл Иванович как старший по возрасту, званию и опыту должны возглавить армию, – высказал свою точку зрения Шипов-старший. – И стать военным губернатором Санкт-Петербурга.

– В свою очередь, хотел бы предложить генерала Шипова на пост командующего пехотными частями – и армейскими, и гвардейскими, – предложил Бистром. – Мне нужны толковые помощники. Я думаю, возражений не будет?

Присутствующие молча согласились.

– Господа, а как быть с Государственным Советом, Сенатом и министерствами? – спросил Пущин.

– А никак. Императорский Государственный Совет в отсутствие императора не нужен, – заявил Трубецкой. – Правительственный Сенат осуществляет надзор за деятельностью государственных учреждений и чиновников. Пусть продолжает осуществлять. А что до министерств – пусть работают. Правда, придется заменять тех, кто откажется присягать на верность Временному правительству – то есть нам с вами и заменять их верными людьми. То же самое с командирами полков и дивизий.

– Значит, опять присяга? – с невеселой улыбкой поинтересовался Шипов-младший. Но спросил он чисто риторически. Понятно, что без присяги – никак...

Карл Иванович Бистром повел золотыми эполетами:

– Итак, господа, коль скоро я взял на себя обязанности военного губернатора, то мой вопрос по существу – как мы поступим с чернью?

– С народом! – возмутился Рылеев.

– Нет, Кондратий Федорович, вы не ослышались, – веско высказался новоявленный военный губернатор. – Народ – это те, кто пашет землю, кует или, на худой конец, торгует. Если народ берет в руки оружие и выходит на улицы, то это толпа, чернь. Не спорю, господа, в сегодняшнем деле они нам очень помогли. Но, – поднял палец Бистром, – что мы будем делать с ними завтра? Кстати, кто-нибудь распорядился собрать оружие? – поинтересовался генерал. Рассмотрев недоуменные взоры, уточнил: – Вдоль Невы и на льду валяется оружие. Ружья, сабли, пистолеты. Нужно срочно послать людей. Желательно – с одним-двумя надежными офицерами.

– Сам пойду, – заявил князь Щепин-Ростовский, скромно сидевший в уголку. – Здесь мне делать нечего. Я заранее согласен со всем, что вы решите. Пожалуй, я бы тоже не хотел Пугачевского бунта. Честь имею.

Откланявшись, князь ушел.

– Итак, господа, – обратился Трубецкой к собранию, – продолжим. Мне кажется, нужно послать кого-нибудь за Сперанским и Мордвиновым. Думаю, к Сперанскому съездит князь Одоевский, а к Мордвинову – Иван Иванович Пущин.

Одоевский и Пущин поднялись с мест. Уже на выходе Пущин обратился к Трубецкому:

– Сергей Петрович, я квартирую недалеко, на Галерной. Если не возражаете, мы с князем вначале заедем ко мне – вздремнем пару часов. Да и время позднее. Съездим к ним сразу с утра.

– Нет, господа, – мягко, но непреклонно возразил Трубецкой. – Простите, но спать нам сегодня некогда. Ехать нужно немедленно, и ежели означенные господа спят – будите немедленно. От их согласия зависит слишком многое.

– Александр Александрович, – обратился Бистром к Бестужеву. – Вам придется возглавить гвардейский флотский экипаж. Кто там сейчас?

– Лейтенант Арбузов, – немедленно отозвался писатель Марлинский. Подумав, добавил: – Хороший человек и дельный офицер.

– Но все же возглавить матросов придется вам. Лейтенант будет вашим заместителем. Надеюсь, в экипаже есть надежные офицеры?

– Почти все, за исключением, разумеется, командования.

– Вот и прекрасно. Завтра экипажу предстоит тяжелый день. Впрочем, господа, не только экипажу. Необходимо произвести осмотр казарм и выявить недовольных. Этим займутся моряки, «московцы» и финляндский полк. Думаю, возглавить сию кампанию придется генералу Шипову. Преображенский полк и «семеновцы» полковника Шипова – в вашем личном резерве. Егерей пока трогать не будем, пусть отдохнут.

– Карл Иванович, а как поступать с недовольными? – задал вопрос Шипов-старший.

– А вот об этом мы спросим у нашего начальника. Что скажете, князь?

Сергей Петрович Трубецкой помедлил с секунду. Но, видимо, он уже обдумал ответ. И обдумал не сегодня:

– Солдат следует рассредоточить по полкам. Для особо буйных – гауптические вахты. Офицеров – в Петропавловскую крепость. В случае открытого неповиновения – расстрел на месте.

– Расстрел?! – раздалась удивленные возгласы.

– Простите, господа, но это единственный выход. По крайней мере, в данный момент. Разбираться будем позже. И, вот еще... Во всех полках провести беседы с офицерами. Я уже попросил барона Штейнгеля составить текст новой присяги. Там будет специальная строчка о безоговорочном подчинении. И, пожалуйста, господа, не смотрите на меня как на нового Робеспьера или Марата. Мы военные люди и прекрасно понимаем, во что ввязались. Нам нужна дисциплина. Согласны?

– Согласны, Сергей Петрович, – высказался за всех Бистром. – Но хочется сказать вот еще что: необходимо составить списки лиц, подлежащих немедленному аресту и изоляции. В Петербурге остались люди, могущие представлять опасность.

– А как мы будем знать – кто опасен, а кто нет? – устало произнес Рылеев. – И не станут ли эти списки проскрипционными? Ведь это, господа, чистейшая диктатура.

– Кондратий Федорович, – по-отечески обратился к нему Бистром, – без диктатуры начинается анархия. А анархия – гораздо хуже любой диктатуры! Сейчас у нас нет ни законов, ни законного правительства и все зависит только от нас. И посему предлагаю создать при Временном правительстве суд или трибунал.

– Гаврила Степанович, – обратился Трубецкой к Батенькову. – Будьте так любезны – не сочтите за труд записать все то, что мы сейчас решаем. У вас, как я знаю, почерк очень хорош. Завтра, а вернее сегодня, нужно обзавестись писарями, делопроизводителями... кем там еще? Столоначальниками. Пусть записывают, регистрируют. Словом, нужно создавать канцелярию.

– Делать новые печати, – подсказал Бистром.

– Хм... – хмыкнул Трубецкой. – Придется выдумывать новый герб. Ах ты... Еще и новые деньги! Впрочем, пока обойдемся старым.

При последних словах, произнесенных князем, открылась дверь, в залу заседаний вошел Пущин, а с ним высокий сутулый человек. Пожалуй, кроме Бистрома, никто не знал в лицо Михаила Михайловича Сперанского, одного из близких сановников покойного императора Александра, попавшего в опалу. Близорукие глаза Сперанского не выглядели сонными, а напротив, смотрели внимательно и даже задорно.

– Здравствуйте, господа, – обратился Михаил Михайлович к собранию. – Польщен вашим вниманием. Не знаю, к добру ли революция, к худу ли, но я готов послужить новой России. Кстати, а как вы ее назвали?

– То есть как можно назвать Россию? – не понял Трубецкой.

Сперанский, перед тем как дать пояснения, аккуратно снял шубу, осмотрелся – куда бы пристроить – и наконец просто бросил ее на свободный стул:

– Была у нас Российская империя. А теперь?

– Вероятно, республика, – как-то неуверенно ответил князь.

– Прекрасно. Значит – Российская Республика. Господин, э-э, Иван Иванович, что за мной приехал, дал мне прочитать Манифест. Прекрасно. Как первоначальный вариант это просто превосходно. Но у меня вопрос. – Временное правительство, в котором я имею честь состоять – орган коллегиальный или же совещательный, а все нити управления будут у нашего господина Председателя?

Все посмотрели на Трубецкого. Как-то уже само собой получилось, что Сергей Петрович взял бразды правления в свои руки.

– Я полагал, – начал князь, – что Временное правительство есть орган коллегиальный. Таким образом, для решения особо важных проблем будут необходимы голоса всех членов.

– Это прекрасно. Но вдумайтесь, что будет в случае, когда кто-нибудь не согласится? Как показывает практика, в спорах истина не рождается...

Члены правительства задумались. Как ни заманчиво звучала идея коллегиального управления, но, как говорят военные люди, лучше один плохой командир, нежели два хороших.

– Михаил Михайлович, – поинтересовался Бистром. – У вас есть какие-то соображения?

– Безусловно, – кивнул Сперанский. – Будучи на губернаторстве в Сибири, да и раньше, составил некоторые наметки. Но их, господа, необходимо привести в соответствии с реалиями сегодняшнего дня. Я ведь никак не предполагал, что один император умрет, второй отречется, а третий будет убит. Мне нужно какое-то время на доработку. Неделя, скажем, или две. Думаю, за это время вы позаботитесь о приоритетах.

– Господин Сперанский, – осторожно поинтересовался Трубецкой, – а какие приоритеты определили бы вы? По моему разумению, главное – удержаться у власти. Для этого нужны силы для борьбы с внешним и с внутренним врагом. Вы можете что-то добавить?

– Думаю, что не особенно много. Да вы, господа, и сами догадываетесь. Кроме борьбы с... – замялся Сперанский, подыскивая нужное слово, – ну, предположим, с контрреволюцией придется решать вопросы укрепления правопорядка. Скорее всего, наши обыватели попытаются заняться грабежом и мародерством. Кстати – та толпа у стройки Исаакиевского собора? Найдем ли мы средства для продолжения строительства? Стало быть, нужно думать, как быть со строителями. Кроме них появятся и другие безработные люди. Возможно, закроются мастерские. Может, усилится инфляция, хотя она и так огромная. Пока крестьяне возят в столицу продовольствие – нужно закупать зерно.

– М-да, Михаил Михайлович, какую безрадостную картину вы нарисовали, – задумчиво протянул Трубецкой. – Об этой стороне дела я даже не думал. Но все же я очень рад, что вы согласились стать членом нашего Правительства. Будем трудиться вместе.

– Да уж, Сергей Петрович. Трудиться будем вместе. Или, – усмехнулся Сперанский одними глазами, – вместе пойдем на эшафот...

Из дневника Элен Щербатовой

«15 декабря 1825 года

Вчера должно было состояться наше обручение. Ждали гостей, но почти никто не явился. Те, кто пришел, говорили, что на Сенатской площади стояли солдаты с пушками и слышались выстрелы. Я думала, что именно так и приносят присягу и Коленка, когда все закончится, придет к нам. Но вместо этого папеньке принесли какую-то странную записку, где Коленка просит нас немедленно уехать из Петербурга!

Вечером смотрела на платье, в котором должна была пойти на обручение. Оно такое красивое! Но подвенечное, заказанное у Ворпери, еще лучше!

16 декабря 1825 года

С утра папенька отправил камердинера за новостями, но тот не вернулся ни к обеду, ни после. К вечеру приехали двое папенькиных сослуживцев по лейб-гренадерскому московскому полку. Гости просидели взаперти весь вечер, о чем-то разговаривали. Маменька даже караулила у двери, пытаясь хоть что-нибудь расслышать. Сказала, что слышала слова «мятеж», «изменники», «Великий князь скрылся». К чему бы все это?

От Коленки по-прежнему никаких вестей. Может быть, он решил расторгнуть помолвку? Но тогда почему сам мне не сказал?

17 декабря 1825 года

К вечеру пришел очень испуганный камердинер. Сказал, что в Петербурге на улицах лежит много мертвых людей, а в кабаках водку раздают бесплатно. А потом ушел. Горничная Акулина сказала, что он прихватил столовое серебро. В суматохе дворецкий этого не заметил. Еще она сказала, что на площади перед Зимним дворцом убили нового царя, а Великий князь Михаил бежал. Теперь власть будет у правительства, во главе которого стоит князь Трубецкой. Я встречалась с князем Сергеем Петровичем на балу у графини Епанчиной. Его жена, княгиня Екатерина Ивановна, сказала, что настоящий бал – он всегда первый! А еще княгиня сказала, посмотрев на Николеньку: «Mais il n'est pas mal, vraiment!» Как будто я сама не знаю, что мы прекрасная пара? Я даже немножко приревновала, а потом подумала, какая глупость! Ведь княгиня Екатерина Ивановна немолода. Ей двадцать пять лет! Папенька говорил, что князь Трубецкой переживает, что в Генеральном штабе, где он служит, почти невозможно стать генералом. Но не все ли равно? Мне бы конечно хотелось, чтобы Николенька стал генералом, но разве я буду меньше его любить, если он останется штабс-капитаном?

Папенька вышел к нам нетрезвым и заявил, что он больше не желает слышать в своем доме фамилии Клеопина и расторгает помолвку! Как же так?

Глава третья

Наполеоны из Малороссии

Декабрь 1825 – январь 1826 гг. Малороссия

В Любаре, богом забытом местечке, Сергей Иванович и Ипполит Иванович Муравьевы – Апостолы искали командира «ахтырцев». К счастью, первый же встречный мальчишка указал хату, где квартировал «пан полковник».

Судя по внешнему виду – небрит с позавчерашнего дня, в одной нижней рубаше (но хотя бы в форменных панталонах!), Артамон Захарович (просто Муравьев, без Апостола) в меланхолии пребывал давно. Коричневый доломан, ментик, сабля и кивер брошены в угол. Перед господином полковником стояла полупустая бутылка какого-то мутного – не иначе, крестьянского – пойла и высокий стакан, заляпанный так, что уже было не понять – из стекла он или из фарфора? Кроме горліки (известно, что гусары пьют только шампанское!) на затянувшуюся «меланхолию» указывало и то, что полковник самозабвенно распевал песню на слова самого знаменитого «ахтырца»:

Ради бога трубку дай!
Ставь бутылку перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих.

Завидев гостей, Муравьев завопил, как уличный кот, наступивший на собственный хвост:

Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих!

Потом резко оборвал песнопение и без всяких приветствий заявил:

– А что, господа, скоро и мы вознесемся. Уже слышали-с – полковник Пестель арестован. И, что характерно, по доносу собственного офицера. Вот, сижу и жду – кто из моих первым побежит доносить. Интересно – в Петербург повезут или прямо здесь расстреляют?

Братья Муравьевы-Апостолы прошли внутрь комнаты. Младший сел на постель, а старший остался стоять. Потом Сергей Иванович внимательно посмотрел на гусара и спросил:

– А, вы, господин полковник, будете просто сидеть и ждать?

– А что прикажете делать, господин подполковник? – в тон ему ответил Муравьев. – Выводить гусар и в конном строю атаковать Тульчино? Освободить Павла Ивановича? Или уж сразу на Житомир? Захватить все корпусное командование и потребовать – выпускайте, мол, полковника Пестеля. А потом? В худшем случае перед Житомиром нас остановит артиллерия – мне с одним полком кавалерии ее не пройти. В лучшем – через месяц из Петербурга и Волыни подойдет подкрепление. И – прощай, гусар, ты песен пел немного!

Осторожно, как будто он говорил с ребенком, Сергей Иванович сказал:

– Господин полковник, из Петербурга никто ничего не пришлет. Ни подкрепления, ни эстафеты с жандармами. Я получил письмо от князя Трубецкого – председателя Временного правительства. Наши братья сделали революцию! Узурпатор убит. Наследник престола Михаил бежал в неизвестном направлении. Так что теперь дело за нами!

– Седлать коней, господа гусары! – сразу же оживился Муравьев.

Всю меланхолию как рукой сняло, и гусар забежал по хате, собирая разбросанные вещи.

– Эх, не успел побриться! Да уж ладно, сойдет, – заметил полковник, становясь перед братьями во всем параде. – Итак, господа, обговорим план действий...

– План прост, – сообщил подполковник Муравьев-Апостол. – Мы с братом тотчас же возвращаемся в деревню, где стоит наша пятая рота. Вместе с ней отправляемся в Ковалевку, где стоит другая рота. Поднимаем ее и идем на Васильково, где квартирует весь батальон. Вы же немедленно поднимаете гусар и отправляетесь в местечко Троянов, там, где Александровский гусарский полк стоит.

– Эх, поднять бы «александровцев»! – мечтательно вздохнул «ахтырец».

– Ежели поднимете полк – прекрасно. Нет, так и шут с ними. Главное, чтобы он не выступил против нас. Место сбора – Васильков. Затем все вместе идем на Тульчино. Там Вятский пехотный, которым командовал Пестель.

– Павел Иванович любим своими офицерами и солдатами, – вмешался Муравьев-Апостол-младший.

– Очень любим, – буркнул Муравьев, намекая на предательство одного из «вятичей». Кого именно, пока неизвестно.

– Майор Лорер – командир роты, вы его знаете, поднимет «вятичей», – невозмутимо продолжал старший Муравьев-Апостол. – Через два дня к нам подойдет Троицкий пехотный, или хотя бы две роты. В бой не вступаем. Пока, по крайней мере. Наша конечная цель – выход к Брянску. Оттуда – на Могилев. Нужно срочно послать известие в Киев Юшневскому и Волконскому. Для командования объединенным отрядом нужны генеральские эполеты. Лучше, если это будет Волконский – все-таки, герой войны, зять Раевского. Итак, господин полковник, ваше мнение?

– План дельный, – покрутил ус полковник. – Что же, господа. Вперед!

– Артамон Захарович, а как вы объясните полку цель выступления? – поинтересовался Муравьев-Апостол – младший.

– А никак, – беззаботно отмахнулся полковник. – Команда простая: «Трубить общий сбор, выходим поэскадронно!» Гусары надежные, лишних вопросов не задают. Большинство офицеров уже давно спрашивают – а когда выступить? Ну, господа, с Богом...

Переночевав на постоялом дворе, набитом клопами, уже на следующий день братья были в Трилесах. Правда, дела пошли хуже, нежели рассчитывали: при въезде в деревню стоял усиленный караул – два солдата с унтер-офицером. Рядом утапывал свежий снег полковник Гебель, командир полка. Неподалеку, поживаясь на ветру, сидели в седлах два жандарма.

– Господин подполковник Муравьев-Апостол, господин прапорщик Муравьев-Апостол, – торжественно объявил полковник Гебель. – Вы обвиняетесь в государственной измене. Данной мне властью вы арестованы. Извольте спешиться, сдать сабли и следовать за нами.

«Эх, и что это я пистолеты-то с собой не взял, – грустно подумал подполковник, – Гебелю – пулю, а этих двоих взяли бы в сабли. Еще бы и солдаты помогли!» Но сетовать задним числом – глупо...

Сергей Иванович спешил, показывая пример горячему по молодости лет брату. Отстегнул ножны от перевязи, подал оружие полковому командиру эфесом вперед. Брат слегка помедлил, но тоже спрыгнул с седла.

– Идемте, господа, – сделал полковник приглашающий жест. – С самого утра вас ждем. Продрогли из-за ваших выкрутасов. Обернувшись к унтер-офицеру, приказал:

– Лишних людей с караулов убрать. Коней – в конюшню.

Идти было недалеко. Муравьевых-Апостолов провели в одну из мазанок. Полковник плюхнулся на табурет, жандармы встали у выхода, подпирая двери. Братьям же сесть никто не предложил.

– Эх, господа, – угрожающе-ласково произнес Гебель. – Господин подполковник... Господин прапорщик... Что же вы такое натворили? Против царя и Отечества пошли. Отечество предаете. Нехорошо.

– Вот уж насчет Отечества, господин полковник, не надо, – поморщился Сергей Иванович, – не вам меня упрекать.

– Знаю-знаю, – поморщился Гебель. – И в Бородинской баталии вы участвовали, и под Лейпцигом отличились, и Париж брали. И орденов у вас на целый полк хватит. Только что с того? Сейчас вы государственный преступник. С преступников же эполеты и ордена срывают.

– А вы, господин полковник, разве не знаете, что случилось в Петербурге? – спросил Сергей Иванович.

– А что там случилось? – пожал плечами командир полка. – Ну, убили императора. Ну и что? Не в первый раз императоров убивают. Николай-то, он даже еще и не коронованный был. Этого убили, новый придет и всех ваших якобитов в бараний рог скрутит.

– Не якобитов, а якобинцев, – поморщился прапорщик Муравьев-Апостол. – Якобиты – это в Шотландии, сторонники воцарения династии Стюартов.

– Ишь, господин умник, – скривился полковник. – Не в офицерах бы вам ходить, а книжки читать.

Слово «книжки» полковник произнес с такой брезгливостью, будто о чем-то непристойном.

– Так о чем это я? – продолжал Гебель. – Ах, да. Так вот, господа. Скрутит новый царь ваших... якобинцев. Ну, а уж я ему, чем могу, помогу. А он меня, верного слугу, милостию не оставит. Вот так-то. А вы, подполковник, и себе навредили и солдатиков подвели. Им-то я уже распорядился шпицрутенов всыпать. Хотел с самого утра этим заняться, да решил вас подождать. Заодно из Ковалевки роту вытребовал. Не хочется мне туда-сюда мотаться. Сразу обе роты и перепорем. А уж потом и в городишке нашем баталион пороть будем. На ваших, судари мои, глазах. А солдатики на вас глядеть будут и думать – из-за кого страдают! А мы их – шпицрутенами! Вгоним им ума в задние врата! – радостно захохотал полковник.

Сергей Иванович еле сумел удержать рванувшегося к полковнику Ипполита. На брата было страшно смотреть.

– Я вас вызываю на дуэль, господин полковник, – яростно выкрикнул прапорщик.

– На дуэль, – протянул полковник. – На дуэль вы меня вызвать не можете. Потому что государственный преступник и враг царю на дуэль никого вызвать не может. А вот я, например, могу сделать так...

Полковник подошел к Муравьеву-Апостолу-младшему и от всей души ударил его кулаком в низ живота так, что юноша захлебнулся от боли и согнулся.

Но теперь уже старший брат не сумел сохранить самообладания – от удара в нос полковник отлетел в угол. Сергей Иванович хотел ударить еще раз, но опытный в таких делах жандарм, стоящий за спиной, стукнул подполковника прикладом по голове. Второй ловко сделал подсечку не успевшему прийти в себя Ипполиту, и оба брата оказались на полу. Подбежавший полковник, зажимая разбитый нос несвежим платком, несколько раз ударил сапогом, норовя попасть в лицо...

Гебель выскочил на улицу. Отсморкавшись, вытер снегом лицо, бросил часовому:

– Зови разводящего, скотина.

Часовой засвистел в дудку. Прибежал разводящий, и следом за ним – дежурный офицер.

– Общее построение. Профоса и караул – ко мне, – приказал полковник.

Когда караул вывел и поставил перед строем братьев, солдаты и офицеры ахнули: разбитое лицо Сергея Ивановича покрыто еще непросохшей кровью, а у Ипполита стремительно оплывал правый глаз. Кто-то крикнул: «Батюшка, Сергей Иванович, так что ж они с тобой

сотворили!» Полковник Гебель, услышавший эти слова, подскочил к солдатам и истерично закричал:

– Кто это сказал? Кто сказал, я спрашиваю? В Сибирь отправлю, на Кавказ пойдете, скоты безродные! Запорю, суки драные!

И тут случилось непредвиденное. Солдатский строй качнулся, и вперед вышел унтер-офицер Клим Абрамов, прошедший вместе с Муравьевым-Апостолом-старшим всю войну двенадцатого года и Заграничный поход. Вместе служили в Семеновском полку. Когда полк «расскассировали», то Сергей Иванович умудрился взять старого солдата и «кавалера» к себе.

– Ваше Высокоблагородие, – обратился унтер-офицер к полковнику. – Мы просим освободить Его Высокородие подполковника и Его Благородие прапорщика.

Полковник оторопел от такой наглости, подскочил к унтеру и ухватил его за перевязь:

– Ты, тварь! Да я, тебя, запорю, сука! Ты у меня юшкой кровавой умоешься!

– Пороть георгиевских кавалеров, Ваше Высокоблагородие, не положено, – спокойно сказал Абрамов, указывая подбородком на «Георгия» и медали на шинели.

– А я на твои побрякушки срать хотел! – еще больше взвился полковник, схватившись за солдатские награды.

– Не замай, Ваше Высокоблагородие, – строго сказал Клим, ударив по руке полковника. – Эти награды мне за Бородино и за Кульму дадены.

– Ах ты тварь! – взбесился Гебель, выхватывая саблю.

Полковник замахнулся, но лучше бы он этого не делал. Абрамов четким движением локтя сдвинул португею вперед, одновременно берясь за ножны тесака. И, не вытаскивая оружия, принял удар на медную окантовку ножен. А потом также спокойно и четко, как делал во время рукопашных схваток с французами, провел движение от себя и вниз... Острие полковничьей сабли уперлось в землю, а эфес солдатского тесака описал дугу, в конце коей была челюсть Гебеля...

– Эх, – презрительно сплюнул старый солдат, – не умеет драться. Ему бы меня кончиком рубить, а он, вишь, всем лезвием...

Казалось, на плацу остановилось время и стало таким плотным, хоть ножом режь! Возможно, впервые за долгую историю русской армии, старый заслуженный солдат поднял руку на полкового командира... Но недоумение длилось недолго. Строй опять дрогнул, рассыпался, солдаты бросились к жандармам. Те, не успев даже взять ружья на изготовку, были заколоты.

К братьям Муравьевым-Апостолам подбежали офицеры.

– Господин подполковник, Сергей Иванович! Вы ранены?

– Пустяки, – отмахнулся подполковник. – Это господа сатрапы приложились. Мне бы только умыться. А, сойдет и снегом.

– Тогда принимайте команду, господин командир баталиона!

Сергей Иванович нашел взглядом Абрамова. Старый вояка стоял в окружении молодежи (не только солдат, но и офицеров) и что-то объяснял, показывая для наглядности. До подполковника донеслись слова:

– А вот под Кульмой-то господин подполковник – ну, тогда Благородие, с французиком по-другому поступил. Господин поручик со шпагой был, а француз с ружьем. Мусью ловкий был. Бил не штыком, не прикладом, а казенной частью. От такого удара-то шпажонка-то сразу ломается. Так Сергей Иванович ружье на эфес принял. А потом руку извернул и... как даст в рыло! И не острием или лезвием, а эфесом. Мусью мы ептова в плен взяли. Правда, без зубов...

Молодые офицеры уже пытались освоить урок. У кого-то получалось, а у кого-то – нет. Тут практика нужна...

«Молодец Клим, – подумал подполковник. – Может быть, кому-то это жизнь спасет». Но размышлять было некогда...

– Господа ротные командиры, – обратился он к офицерам. – Командуйте построение в походную колонну. Идем в Васильково. Все речи будем вести там, по прибытию.

Прибытие в городок двух рот во главе с Муравьевым-Апостолом вызвало недоумение. Тем более что выйдя на главную «площадь» Василькова, солдаты построились по периметру, а подполковник приказал играть «Общий сбор».

На звук барабанной дроби стали сбегаться солдаты. Придерживая сабли, спешили офицеры. К барабанщику подскочил начальник штаба полка майор Трухин и выкрикнул:

– Кто приказал? Отставить!

Барабан было смолк, но стоящий рядом Муравьев-Апостол спокойно сказал:

– Продолжайте сбор.

– Господин подполковник, извольте объяснить! – негодовал майор – младший по чину, но старший по должности. – В отсутствие полкового командира полком командую я! Немедленно прекратите самоуправство, иначе я вас арестую. – И, далее не обращая внимания на подполковника, закричал, пытаясь заглушить звуки: – Полк, слушай мою команду! Вольно разойтись! Нижние чины и унтер-офицеры – в казармы, господа обер и штаб-офицеры – ко мне!

Полк стоял. Никто не спешил выполнять команду исправляющего обязанности. Трухин стоял, нервно сжимая эфес сабли, но ничего не предпринимал.

– Господин майор, – почти любезно сказал Муравьев-Апостол. – Будьте так любезны – отправляйтесь в штаб. Иначе не вы меня, а я буду вынужден вас арестовать. Прапорщик Козлов – проводите господина майора в его квартиру.

Юный прапорщик выскочил из строя и отдав честь вначале Муравьеву-Апостолу, а потом Трухину.

– Прошу вас, господин майор... – сделал он приглашающий жест.

– Это бунт? – упавшим голосом спросил Трухин.

– Хуже, господин майор, – радостно отозвался Козлов. – Это революция!

– Ну, тогда хоть саблю заберите, – предложил прагматичный начальник штаба. – А то ведь получится, что даже сопротивление не оказал бунтовщикам.

– Извольте, сударь, – покладисто согласился юноша и уже другим, официально-значимым, тоном произнес: – Господин майор, вы арестованы. Прошу сдать оружие!

Просиявший майор отдал прапорщику саблю и почти радостно отправился в помещение штаба – в один из обывательских домов, хозяин которого не был свободен от постоя.

Настроение улучшилось. Но если солдаты и офицеры старались сдерживать себя, то вокруг плаца раздавался громкий хохот. Жители городка никогда не пропускали редкого в тех местах развлечения – построения полка. Вот и сегодня при звуках барабанной дроби к казармам стянулось едва ли не все население Василькова. Сергей Иванович между тем вышел на шаг вперед и громко сказал:

– Братья! Со времен Петра Великого все мы, и нижние чины, и офицеры, все мы – Солдаты. Но мы еще и граждане России. Не верноподданные, а граждане. Братья! Две недели назад в Петербурге случилась революция. Наши товарищи свергли царя Николая. Его старший брат Константин не захотел быть царем. Теперь будет вам свобода! Служить станете не двадцать пять лет, а десять. А когда вернетесь домой, то будете не крепостными, а вольными людьми. И каждый из вас получит землю в надел! Но есть еще те, кто хочет отнять у нас свободу. Солдаты, вы меня знаете! (Из строя закричали: «Знаем, знаем!») Мы вместе сражались с Наполеоном и здесь, и в Германии, и во Франции. Мы победили. Так неужели же победители должны идти в неволю? Или же пойдем на Петербург помогать нашим братьям?

Солдаты, разгоряченные речью подполковника, стали кричать: «Веди нас, Ваше Высокоблагородие. Умрем, но не выдадим!»

Сергей Иванович никогда не говорил столь длинных речей. (И пустых, как ему казалось!) А тут пришлось. И видимо, не зря. Солдаты и офицеры, за исключением единиц, были готовы идти в бой.

Выйти на рассвете, как планировал Муравьев-Апостол, не получилось. К подполковнику, встававшему раньше своих солдат (впрочем, как и все остальные офицеры) прибежал полковой адъютант.

Придерживая кивер с зимней оторочкой, подпоручик с порога крикнул:

– Господин подполковник! Известие от дальнего караула – с западной стороны к городу движется колонна всадников. Расстояние – до двух верст. Численность из-за поземки неизвестна, но не менее пятисот. А может, – сощурился офицер, – и вся тысяча...

– Хорошо, подпоручик, – пытаюсь быть сдержанным, похвалил адъютанта Сергей Иванович. – Командуйте боевую тревогу.

Подпоручик выскочил, поправляя непослушный кивер. Провожая его взглядом, Сергей Иванович почему-то подумал: «Надо бы что – то поудобнее киверов на зиму завести. Хоть и красиво, а холодно. Треухи мужицкие, что ли?» Но решать проблему головных уборов сейчас было недосуг. Как-нибудь потом. Взяв шинель и пистолеты, подполковник выскочил во двор, где наперегонки с воем метели заливался полковой барабан. Командиры рот уже спешно отдавали команды.

Боевое расписание, разученное еще в прошлом году на случай нападения на Васильково (тогда смеялись – татары, что ли, или турки на Малороссию пойдут?), очень даже пригодились. Две роты бегом отправились на западную сторону усиливать огнем немудреное укрытие (палисад да ров), еще две разделились на части и разбежались к другим выходам из города. Рота Кузьмина осталась в резерве, а Щепилло со своими людьми спешно занимал крыши домов, выходящих на плац (он же – центральная городская площадь), потому что при любом раскладе удар пойдет в центр.

Сергей Иванович подошел к коню, уже подготовленному ординарцем, вскочил в седло и понесся на наиболее опасный участок.

Передовые всадники уже были в четырехстах шагах – расстояние, на котором пехота уже прицеливалась в голову всадника. Правда, из-за легкой метели прицеливаться было сложно, поэтому было решено подпустить всадников поближе. Черниговский пехотный, конечно, не егеря, что били в пуговицу за триста шагов, но в каждой роте были свои «умельцы», попадавшие со ста шагов в пятак.

Вот они-то уже и взяли на прицел передовых всадников. Но стрелять не спешили, ждали команды.

Сергей Иванович не торопился отдавать команду «Огонь». Показалось, что всадники ведут себя странно – им бы уже пора переходить с рыси на галоп и идти в атаку. И тут до Муравьева-Апостола донесся знакомый голос, затянувший песню:

О как страшно смерть встречать
На постели господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!

А гусары в несколько сотен глоток поддержали «запевалу»:

О, как страшно смерть встречать
На постели господином!

Ну кто же еще мог сделать стихи Дениса Давыдова полковой песней, если это не Артамон Муравьев? А какой другой полковник, будь он хоть трижды гусар, станет изображать запевалу?

– Эй, Сергей Иванович, – закричали со стороны гусар. – Это ты али нет? Тебя еще не расстреляли?

– Не дождетесь, господин полковник, – весело прокричал в ответ Муравьев-Апостол, выходя навстречу гусарам. А потом обратился к своим: – Отбой, братцы, это наши!

Ахтырские гусары уже подъехали вплотную. Впереди гарцевал веселый и слегка хмельной полковник. Приблизившись к Сергею Ивановичу, проорал:

– Вот, господин подполковник, принимай пополнение. Ахтырский полк – в полном составе. «Александровцы», правда, не все. Один эскадрон ушел в Белую Церковь. Остальные – вот они!

Офицеры спешили и, обнявшись, троекратно поцеловались.

– А я уж не чаял и увидеть вас, – с дрожью в голосе сказал гусар. – Ко мне пейзане прискакали. Говорят – арестовали, мол, господина полуполковника. Они ведь, Сергей Иванович, тебя прямым потомком гетмана Апостола считают. А что – ты и в самом деле потомок гетмана?

– Может быть, – задумчиво обронил Сергей Иванович, размышляя сейчас не о легендарных предках, а о том, что надо куда-то устраивать два полка! А впрочем, можно потеснить господ обывателей. Ничего страшного.

– Молодцом, господин полковник, – похвалил Муравьев-Апостол гусара. – Вывел-таки...

– Так ведь мы вас отбивать ехали, – просто ответил Артамон Захарович. – Теперь уже все едино – мятежники.

– А вот это мы еще посмотрим, – улыбнулся Муравьев-Апостол. – А теперь давайте, шлите ко мне своего квартирмейстера. Вас разместить требуется да накормить.

– Хм, – встопорщил усы гусарский полковник. – Мы ведь в поход вышли. Так что и обоз, и котлы – всё с собой. Да и «александровцы» все хозяйство прихватили, сам проследил. Но, если покормите, чем Бог послал, так наш провиант целее будет.

Несмотря на маску лихого и грубоватого рубаки, Муравьев был дельным командиром. Будучи лишь на один год старше Сергея Ивановича, он уже был полковником и командиром полка.

В маленьком домике Муравьева-Апостола, превращенном из обычной офицерской квартиры в штаб-квартиру, уже находились старшие офицеры полка. Брат Ипполит распорядился поставить самовар и приготовить нехитрую еду. Специально для Артамона Захаровича была вытащена береженная бутылка французского вина.

К общему удивлению, «ахтырец», еще не вполне отошедший от прежней «меланхолии», отказался от дорогого вина, процитировав:

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

– Кажется, генерал Давыдов у вас годится на все случаи жизни, – усмехнулся Ипполит, убирая бутылку до лучших времен.

Муравьев, погладив пышные усы, самодовольно изрек:

– Почти! Я ж его знал, когда он еще адъютантом у Багратиона служил. До сих пор жалко, что Денис Васильич в отставку ушел. Ладно, господа. Есть у меня и хорошие, и плохие новости. С каких начинать?

– Давайте с плохих, – предложил Сергей Иванович.

– Извольте, – покладисто кивнул гусар. – Корпусное начальство прознало о том, что Черниговский и прочие полки подвержены мятежу. В Житомир стянуты войска, готовые выступить против бунтовщиков. Думаю, там будет егерский, пара-тройка пехотных и драгунский полки. К этому добавьте эскадрон «александровцев». Но главное и самое скверное – у них артиллерия. И вот еще – Пестель из Тульчина куда-то отправлен. То ли в Житомир, то ли в Киев, а то и прямо в Москву.

– Так, – протянул Сергей Иванович. – А хорошие?

– А хорошие таковы: нам на подмогу идут две роты Вятского полка под началом майора Лорера и капитана Еланина.

– Это тот Еланин, что из лейб-егерского к нам за дуэль списан? – поинтересовался прапорщик Муравьев-Апостол.

– Он самый, – подтвердил полковник и продолжил: – Далее – мы обогнали две роты Троицкого полка. Тоже сюда идут. Ну, а самая приятная новость – скоро здесь будет ваш лучший друг и соратник.

– Неужто Мишель? – обрадовался Сергей Иванович. – Бестужев-Рюмин?

– Так точно! – подтвердил полковник. – Мишель, который и Бестужев, и Рюмин, а с ним до роты Полтавского полка и ваш старший братец. Узнал о мятеже и кинулся вас спасать.

– Матвей! – обрадовался Ипполит.

Самый старший из братьев, некогда заменивший Ипполиту отца, отставной подполковник проживал в Житомире. Верно, не усидел дома.

– Теперь у нас будет два подполковника Муравьевых-Апостолов. Или делитесь: один подполковник Муравьев, а один подполковник Апостол, – хохотнул гусар, довольный произведенным эффектом.

– Стало быть, у нас будет несколько тысяч штыков и с тысячу сабель, – подвел итоги Муравьев-Апостол. – Надо думать, где их размещать да чем кормить. Не все же такие запасливые, как наш гусар летучий.

– Ничего, потеснимся, – махнул рукой «летучий» гусар, которому понравилось сравнение. – Помнишь, как на Францию шли? В одном сарае до эскадрона квартирвало. Эх, как там у Васильича? Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой, туда, где бой кипит, где русский штык бушует, но о тебе любовь горюет!

Глава четвертая

Император умер – да здоровствует император!

Декабрь 1825 г. С. Петербург – Москва

«Рыжего Мишку» – младшего сына императора Павла можно было упрекнуть во многих грехах. И в карты он любил «перекинуться», и к женскому полу равнодушен, а к образованию – совсем даже напротив – едва закончив учение, книжный шкаф заколотил горбылями, собственноручно вбив барочные гвозди. Однако трусом Великий князь Михаил Павлович не был. На Сенатской площади он сделал все, что мог. Не побоялся выехать к бунтовщикам, несмотря на то, что уже ранили Милорадовича. Да и сам едва избежал пули из пистолета нескладного долговязого человека в статском платье! Кажется, когда-то он видел этого нескладного человека! Поэт? Да, поэт. Кажется, Кюхельбекер!

Когда долговязый, бросив один пистолет, принял из рук соседа другой, кавалергардский полковник Пестель, назначенный командовать конвоем Великого князя, ухватил лошадь под уздцы и чуть ли не силой увел Михаила к Конногвардейскому манежу.

– Владимир Иванович, зачем вы так? Возможно, мне бы удалось их уговорить, – упрекнул Михаил Павлович полковника.

Была у шефа гвардейских артиллеристов и кавалергардов такая привычка – называть своих офицеров по имени-отчеству, а не по званию (разумеется, если дело происходило не на строевом смотре).

– Простите, Ваше Высочество, – твердо ответил полковник. – Уговоры не помогут. Пушки нужны.

Между Михаилом и его братом – государем, находилась площадь, заваленная камнями и бревнами. Вот уже седьмой год на ней строят Исаакиевский собор, а конца-края строительству не видно. Впрочем, нашлось несколько тропок, по которым верховой мог доставлять приказы и сообщения от одного брата к другому.

Великий князь недоумевал: «Почему до сих пор Николай не дал команду атаковать каре?» Разумеется, лучше бы открыть артиллерийский огонь. Но пойдет ли на это старший брат? Здравомыслящий Михаил решил, что, оказавшись на месте Николая, не стал бы использовать артиллерию. «Лить кровь в самом начале царствования? Бр-р!» И слава Богу, что не он должен принимать решение.

Размышления прервались выстрелами из-за штабелей и криком верхового, присланного братом:

– Ваше Высочество, государь приказал вам уходить! Полковнику Пестелю лично приказано уводить Великого князя!

Михаил не сразу понял – почему ближайший кавалергард вдруг резко схватил его жеребца за удила, а потом также резко дернул на себя.

– Строим коробку! – выкрикнул Пестель.

Полуэскадрон вплотную придвинулся к Великому князю, прикрывая его телами и подчиняя коней своей воле, перешел на галоп вместо умеренного шага.

Пестель вовремя увел Михаила – полковник Шипов уже командовал семеновскому полку идти в атаку на конвой Великого князя. Кавалергарды, взявшие Михаила Павловича в плотную коробку, не реагировали ни на приказы, ни на ругательства, когда Великий князь пытался завернуть коня и мчаться спасать венценосного брата.

Михаил Павлович, младший из сыновей несчастного Павла Петровича, не видел, как из дальнего штабеля сыпались бревна, калеча и убивая людей и коней. И, разумеется, он не знал, что бездушный предмет, ударив в голову Николая, сделал его самого императором...

Пестель уводил поредевший полуэскадрон на Литейный, а потом в казармы кавалергардского полка. В считанные минуты казарма превратилась в крепость: выставлены сдвоенные посты, ворота усилены баррикадой, откуда-то извлечены легкие орудия. Само собой, что командование обороной взял на себя полковник Пестель.

Михаила Павловича отвели в одну из офицерских комнат и уложили на кровать. От волнения ли, или от усталости, но Великий князь заснул. Ему показалось, что только на минутку закрыл глаза, как в комнату зашел Пестель:

– Ваше Высочество, пора.

– Как пора? Куда пора? – не вдруг понял князь.

– Пока в Гатчину, а потом в Москву.

– Объяснитесь, господин полковник, – перешел Михаил на официальный тон.

– Извольте, – поклонился Пестель. – Я отправлял людей в город. Ситуация такова – Его Величество император убит, город в руках мятежников. Большинство полков перешло на их сторону. Мне сообщили, что создано Временное правительство, отдавшее приказ об аресте всех членов царствующей фамилии.

– Нужно спасти наследника престола, – твердо сказал Михаил. – Я сам поеду за Александром. Если брат погиб – императором должен стать его сын.

– Ваше Высочество, – не менее твердо сказал Пестель. – Последний приказ императора гласил – спасти вас. И я обязан выполнить приказ. Я вас понимаю и сочувствую. Но поверьте – нет времени на скорбь. Тем более, что вы станете нашим императором.

– Быть императором?! – в ужасе отпрянул Михаил. – Да ни за что! Императором будет Александр. И наш долг – спасти его. И, – замешкался Великий князь. – Я не знаю, где Великая княгиня Елена...

– Ваше Высочество, я пошлю людей на поиски наследника и вашей супруги, – предложил Пестель. – Но все же вы должны ехать. Вначале в Гатчину. Там надежный караул и рота «павловцев». Туда же будут подтягиваться все верные части. Все те, кто остался жив...

Во дворе казарм шла суета. Несколько нижних чинов что-то копали, остервенело долбя мерзлую землю. Надо бы прогреть ее огнем, но разводить костер не было времени. Когда яма была готова, солдаты и офицеры принялись бросать туда свои кирасы. Потом засыпали землей и хорошенько утрамбовали. Михаил вначале не понял – зачем? Потом догадался: уходить лучше налегке, а от пули в грудь или спину кираса не поможет. Оставлять же символ своей службы – это все равно, что оставить врагу знамя! Увидел и другую картину – солдаты плакали, прощаясь с конями. Кони кавалергардов, способные нести на себе крупного человека в тяжелых доспехах могут бежать галопом недолго... Где кавалергарды сумели раздобыть более сотни коней на замену своих тяжеловозов, осталось загадкой.

По дороге на Гатчину Михаил Павлович несколько успокоился. «Возможно, – думал он, – во дворце удастся отсидеться несколько дней. Подтянутся верные войска с Украины и Прибалтики. Может быть, кровопролития больше не будет. Мятежники сложат оружие. Потом – неизбежная канитель с возведением на престол племянника Сашки. Присяга... и уехать бы куда-нибудь подальше. Хорошо Константину, сидит себе в Польше и в ус не дует. И мне бы куда-нибудь, подальше от революций. Да где сейчас подальше? Ах ты, черт, – мысленно заскрежетал зубами Великий князь. – Сашке-то всего семь лет. Не исключено, что придется быть регентом. Канальство!» Потом на Михаила накатили другие мысли: «Всё же какая я бесчувственная скотина. Вчера погиб брат, а я думаю невесть о чем. И даже не знаю, где тело брата. А как там мать? Где Елена?» Но все мысли перебивала одна: «Приехать в Гатчину, а там – будет видно!»

...В Гатчине отсидеться не удалось. Когда подъехали к ограде, окружающей дворец, по кавалергардам началась стрельба.

– Уходим! – бешено закричал Пестель.

– Пойдите, возможно, это ошибка, – возразил полковнику молоденький корнет. – Может, они нас приняли за мятежников. Разрешите, проверю?

И, не дожидаясь согласия командира, мальчишка поскакал к ограде, выкрикивая: «Мы свои, с нами Великий князь!» Ответом был залп из нескольких ружей, выбивший корнета из седла.

– Мальчишка, – одними губами проговорил полковник, но его услышали все. А «павловцы» уже бежали в атаку. Похоже, во дворце находилось больше войск, чем предполагалось. И, самое скверное, что они уже на стороне мятежников. Значит, бунтовщики опередили. Скверно! Конечно, кавалерия от пехоты уйдет. Но пуля летит быстрее, чем конь! И, кто знает, не седлают ли сейчас во дворце коней? Уходить!

Оторвавшись на полверсты, полковник отдал приказ:

– Поручик Десятков, возьмите взвод и прикройте отход!

– Взвод, спешиться. Коневодам – забрать коней, – скомандовал поручик.

– Поручик, – уже не приказал, а попросил Пестель, – продержитесь хотя бы десять минут.

А потом – бегите!

– Продержимся, господин полковник, – уверенно ответил Десятков, улыбнувшись чему-то...

Солдаты, спешивались, крестились и выбирали укрытия. Старый вахмистр, помнивший еще Праценские высоты под Аустерлицем, перекрестив полковника и Великого князя, сказал:

– Езжайте, Ваше Высокоблагородие, спасайте императора. Мы их задержим. Прощайте, Ваше Величество.

Полковник Пестель, прикусив губу, махнул рукой. Взвод, оставшийся на верную смерть, не обращал внимания на своих товарищей. Они уже были не здесь...

Те, кому выпало жить (надолго ли?) с места пошли в галоп. Сзади слышались выстрелы. Вначале они были частыми, потом стали стихать. Последний раздался тогда, когда отряд уже проскакал более пяти верст. Правда, последние версты шли иноходью, а потом и вовсе пришлось сойти на рысь.

– Эскадрон, шагом! – скомандовал полковник.

– Кажется, оторвались, – неуверенно сказал Великий князь. – Царствие небесное!

Михаил широко перекрестился и все последовали его примеру.

– Что дальше, Владимир Иванович? – спросил князь.

Что делать дальше, полковник представлял смутно. Оставался только один путь.

– Ваше Величество, – начал было Пестель, однако был прерван Михаилом:

– Не нужно меня так титуловать.

Но полковник кавалергардов покачал головой:

– Ваш титул – наше знамя. Неизвестно, что случилось с наследником. И, кроме того, Александра Николаевича никто не объявлял наследником престола. Покамест вы император! – Обернувшись к кавалергардам, Пестель выкрикнул: – Да здравствует Его Императорское Величество Михаил!

– Ура! – нестройно крикнул в ответ поредевший эскадрон.

Но все же чувствовалось, что кавалерия воодушевилась. Еще бы – одно дело спасти князя, пусть и Великого, а совсем другое – Императора. Тут каждый почувствует себя Пожарскими или Сусаниным, вместе взятыми. А сам Михаил Павлович не стал спорить. «Пусть считают, если уж им так хочется, – вздохнул он про себя. Потом мысленно добавил: – Но на трон не сяду!»

Через два часа полковник объявил привал. Бывалые кавалеристы расседлали коней (пусть хотя бы немного отдохнут), задали немного овса (а много-то в торбах не увезешь!), но костров разводить не стали, довольствуясь хлебом и водой из баклажек. Младшие командиры, не дожидаясь приказа, выставили оцепление. Нашлось несколько добровольцев ехать в раз-

ведку. К Пестелю, присевшему рядом с новообретенным императором, испросив дозволения, подошли офицеры. Кажется, назревал военный совет.

– Распожайтесь, Владимир Иванович, – предложил Михаил Павлович.

– Ваше Величество, господа офицеры, – негромко сказал полковник. – Путь у нас один – Москва. Есть другие соображения?

– А почему не Новгород, господин полковник?

– спросил ротмистр Кохановский. – Он ближе. В Кречевицах стоит гренадерский полк, в самом городе – драгуны. Кроме того, в Новгородской губернии много военных поселян. Можно набрать людей.

– Вот из-за военных поселян, господа, и не следует ехать в Новгород, – потерял усы полковник.

– Почему? – заинтересовался император. – Насколько я помню доклады графа Аракчева, там образцовые поселения.

– Странно, что граф не докладывал покойному государю о недовольстве поселенцев, – покачал головой Владимир Иванович.

– А разве были недовольные? – удивился сам Михаил Павлович.

– Недовольных было довольно много, – случайно скалабурил полковник. – Ну, посудите сами, Ваше Величество. Крестьянин должен пахать землю, а солдат эту землю защищать. И на то, и на другое нужно время. А если с утра пахать, а днем учения проводить, вечером – опять пахать, то и пахота, и военное дело будут плохими. Естественно, что крестьяне недовольны. А разве вам неизвестно, что в Новгородской губернии бывали бунты? Небольшие, правда, но все-таки.

– Что-то слышал, но не задумывался, – пожал плечами Михаил. – А ведь вы правы, Владимир Иванович, пахарь должен пахать, солдат – защищать.

– А государь – править! – подал голос ротмистр.

Михаил Павлович ничего не ответил, но уже мысленно примерял новый титул. Покамест получалось неважно. «Впрочем, с титулами – потом. Сейчас бы с нынешним делом решить», – отмахнулся от тяжелой думы государь, кивнув Пестелю – продолжайте.

– Мятежники наверняка уже послали своих эмиссаров к военным поселянам. Или зашлют в самое ближайшее время. Если губернатор не примкнет к мятежникам, то ему придется просить помощи у командиров полков для усмирения поселян.

– А что, губернатор Муравьев может примкнуть к мятежникам? А, ну да, что-то припоминаю... – наморщил лоб Михаил Павлович. – Кажется, его когда-то арестовал на параде император Александр. За какую такую провинность, даже и не упомяну. Но ведь потом он сделал неплохую карьеру? Или он тоже, как ваш старший брат Павел Иванович, принадлежит к какому-нибудь тайному обществу?

Владимир Иванович удивленно посмотрел на императора:

– Простите, а откуда вам известно? Мы старались хранить все в тайне.

– Ну, дорогой Владимир Иванович, – засмеялся Михаил Павлович. – Ваша тайна – секрет Полишинеля. Вообще-то, еще прошлым летом начальник генерального штаба Дибич получил донос из Малороссии о том, что ваш брат вкупе с Муравьевыми-Апостолами, просто Муравьевым и еще с кем-то организовали тайное общество. Брат тогда только посмеялся. Дескать – кто в наше время не состоял в тайных обществах? Подполковник Лунин, любимец братца Константина, едва самого наместника Царства Польского в общество не принял. Кайтесь, Владимир Иванович – а вы-то, часом не были в каких-нибудь русских масонах?

– Увы, грешен, – смутился Владимир Иванович, сам состоявший два года в «Союзе Спасения». Кстати, вместе с нынешним Новгородским губернатором. Правда, уже лет пять-шесть как отошел от всех обществ. Как-то не нравились ему эти тайные... Действительно, было в них что-то масонское. А масонов Владимир Иванович на дух не выносил...

– Ну, вот видите, – засмеялся довольный Михаил. – Кстати, в ноябре, когда император был в Таганроге, поступил новый донос. Генерал Дибич привез его в Петербург. Но где сейчас Дибич?

Размышлять о судьбе Дибича ли, других ли оставшихся в столице было некогда. Разъезды прискакали с донесением, что дорога на Тосно свободна. Пестель поднял кавалергардов и эскадрон тронулся.

Дальнейший путь был обыденным. Все-таки щупальца мятежа еще не успели охватить всю Россию. На ямских станциях кавалергарды находили тех же заспанных комиссаров, описанных господином Радищевым. Правда, никто не рисковал отвечать, что лошадей нет. Михаила Павловича, оставив ему десяток человек для охраны, пустили обычным, то есть почтовым, путем в Москву. Полковник Пестель, сдав командование эскадроном ротмистру Кохановскому, отправился вместе с императором.

После французского разорения прошло уже много лет, но Москва еще не оправилась и Кремль еще покрывали строительные леса. Впрочем, дом московского генерал-губернатора, генерала от кавалерии Голицына сиял великолепием. Слуги сбились с ног, обустроивая высокого гостя, свалившегося неожиданно-негаданно.

О событиях в столице губернатор еще не знал. А когда ему вкратце сообщили о происшедшем на Сенатской площади, он на минуту задумался, посмотрел в глаза Михаилу Павловичу. Опустившись на колени, прижал к губам руку Романова-младшего:

– Располагайте мною, Ваше Величество!

Михаил не стал спорить и настаивать, что не хочет быть императором. Собственно говоря, он уже смирился с мыслью, что шапку Мономаха (пардон, корону Российской империи!) все-таки возложат на его рыжую голову. Посему просто помог Голицыну подняться:

– Видимо, так уж судьбе угодно, что вы, Дмитрий Владимирович, сейчас не только московский генерал-губернатор, но и первый министр, военный министр и все прочее, включая министерство полиции. Или по-старому его назовем – внутренних дел.

– Карьера завидная, – невесело улыбнулся Дмитрий Владимирович. – А как ваш министр полиции я уже начал кое-что делать. Не хотите познакомиться с одним из бунтовщиков? – Уловив кивок государя, Голицын приказал дежурному офицеру: – Распорядитесь, голубчик, чтобы привели арестанта. – Потом, обратившись к высокому гостю, предложил: – Ваше Величество, давайте-ка перекусим. За арестантом-то – пока съездят, да пока привезут, то-сё, пятое-десятое. Откушаем, чем Бог послал. И вас, и свиту Вашу – прошу!

После скверных щей да залежавшихся пирогов, наспех съеденных на станциях, обед у генерал-губернатора показался праздником жизни. Раньше Михаил (пока пребывал в состоянии «Мишеля») открыто посмеивался над русофильскими пристрастиями Голицына, но сегодня «подметал» все, что выставлялось на стол. А подавалась осетрина на вертеле и рыба, жареная по-московски, «ушное» из баранины и заливной язык. А когда на стол были выставлены гуси с яблоками (по птице на гостя!), то Михаилу Павловичу уже не хотелось и думать об этих новомодных котлетах!

После обильного обеда гости и хозяин впали в сытое оцепенение. По русскому обычаю можно бы и вздремнуть часок, но появился дежурный офицер:

– Ваше Сиятельство, арестант доставлен. Разрешите ввести?

Князь Голицын вопросительно обернулся к Михаилу:

– Прикажете сюда?

– Что вы, Дмитрий Владимирович, – покачал головой государь, потирая набитый живот. – Арестанта допрашивать в пиршественном зале? Неприлично получится. Ему-то, наверное, разносолов в тюрьме не дают.

– Отведи арестанта в мой кабинет, – приказал дежурному губернатор, а потом обиженно оттопырил губу: – Арестант, чай, офицер и дворянин. Содержится на офицерской гауптвахте. Кормят там хорошо. Ну, без поросят и расстегаев.

– Кстати, а что у вас за арестант? – поинтересовался государь.

– А это, Ваше Величество, вы сами узнаете, – хитро прищурился Голицын. – Кстати, полковнику Пестелю сие будет особо интересно.

Генерал-губернатор повел Михаила и офицеров в кабинет через отдельную дверь. Два солдата ввели мужчину в шинели с полковничьими эполетами. Правильно – чинов и званий его никто не лишал. Красивое лицо поросло недельной щетиной.

«Бог ты мой!» – внутренне ужаснулся Владимир Пестель, узнавая брата.

Голицын был доволен эффектом:

– Арестованный по приказу начальника Генерального штаба генерала Дибича, полковник и бывший командир Вятского пехотного полка и кавалер Павел Иванович Пестель. Вчера был доставлен в первопрестольную из Житомира.

– Садитесь, полковник, – предложил Михаил арестанту. Посмотрев на свиту, сказал: – Господа, вы можете отдыхать. А мы с князем Голицыным побеседуем с полковником.

Владимир Пестель посмотрел на брата и перевел умоляющий взгляд на Михаила:

– Ваше Величество, разрешите остаться.

– Владимир Иванович, ваша воля, – пресекая возможное недовольство губернатора, сказал Михаил. – Вы вольны остаться или уйти в любое время.

Заслышав обращение «Ваше Величество» применительно к Михаилу, арестант встрепнулся:

– Простите, мне не послышалось? Вы – новый император?

– Нет, полковник, не послышалось. Перед вами – Его Величество, Михаил Второй, – отозвался князь Голицын, опередив самого государя.

Михаил Павлович, стиснув зубы, добавил:

– Император Николай, царствие ему небесное, убит в день приведения войск к присяге. В Петербурге создано Временное правительство. Кажется – это то, к чему вы стремились?

Пестель промолчал. Михаил Павлович встал. Медленно прошелся по кабинету:

– Господин полковник. Мне лично, да что мне... и императору Александру, и императору Николаю было известно, что вы являлись членом Союза Благоденствия. Так? Сей союз самораспустился. Вы, променяв столичную карьеру на должность командира пехотного полка, поехали в Малороссию. Затем вместе с князем Барятинским, вкуче с генерал-интендантом Юшневским создали «Южное общество».

– Вы хорошо информированы, – глухо сказал полковник.

– Для «рыжего Мишки»? Понимаю, назвать меня «Ваше Высочество» у вас язык не повернется. Впрочем, продолжу... Итак, вы создали тайное общество. Потом к вашему обществу присоединяются другие... масоны. Вы создали руководящий орган. Как там ее дирекция? А да, простите – Директория. Прямо-таки – а ля Франсе! Что еще? Поправьте, если я в чем ошибусь, – усмехнулся государь.

– А потом? Что вы хотели сделать? Насколько мне известно – военный переворот по примеру испанской революции. А что должно стать началом переворота? Если я не ошибаюсь – цареубийство? Так, господин полковник? А уж какого царя убивать – Александра Павловича или Николая Павловича, не все ли равно...

Павел Пестель склонил голову. Потом, приподняв глаза, произнес:

– А вы изменились, став Его Величеством. Но все-таки, откуда у вас такие сведения?

Михаил Павлович грустно улыбнулся:

– Знаете, полковник, мы тут давеча с братом вашим, Владимиром Ивановичем, беседовали, когда от ваших же, хм, карбонариев, улепетывали. В тайных обществах только ленивый

не состоял. Да вот ваш брат был в «Союзе Спасения». Так, Владимир Иванович? – Пестель-кавалергард смущенно потупился, а царь продолжал: – А уж доносов на ваши общества, верно не один пуд скопилось. Знаете, что сказал как-то мой брат, император Александр, когда ему предложили арестовать всех заговорщиков? Он сказал: «Это хорошо, что в империи есть честные люди. Хуже, если в России только паркетные шаркуны останутся!» И кто же знал, что все романтические мечтания закончатся убийством императора. А скажите мне, господин полковник, что вы лично думаете о событиях? Ну, не может быть, чтобы вы совсем ничего не слышали о том, что произошло в Петербурге. О восстании, о смерти государя...

– Не могу ничего сказать, – помотал головой Пестель-заговорщик. – Сведений почти не имею. Слышал сегодня от конвоиров – бунт, революция. Вот и все. Единственно, о чем жалею, что меня там не было! Но все же лично я не хотел никого убивать. А решение о цареубийстве и перевороте было чисто теоретическим.

– Вот как? Стало быть, теория отдельно, а практика – отдельно? Бывает. Только, помните, полковник, историю? Якобинцы вначале теоретизировали...

– А потом пошли на штурм Бастилии и разметали ее по камушкам.

– Батюшки-светы, – развел руками Михаил Павлович. – Какой штурм, какие камушки?! Павел Иванович, так вы, кажется, в Париже бывали? Неужели не знаете историю штурма Бастилии?

– Простите, сударь, но в Париже я был в тысяча восемьсот четырнадцатом году. А тогда, знаете ли, было не до исторических экскурсов.

– О ваших заслугах, полковник, я наслышан. Но все-таки штурм Бастилии – это красивая сказка. Крепость эту все равно бы снесли. К тому времени, когда ваши санкюлоты ее захватывали, там имелось всего семь узников: четыре фальшивомонетчика, два сумасшедших и один убийца. И не народ ее «на камушки разметал», как вы выразились, а какой-то буржуа взял подряд на добычу камня. Кстати, из кирпичей такие славные модельки Бастилии делали! Мне такую «Бастилию» один французский эмигрант еще в детстве подарил.

Вспомнив детство и погибшего брата, Михаил закашлялся, пытаясь справиться с непослушной хрипотцой в горле. Голицын собственноручно подал царю стакан воды. Благодарно кивнув, тот отпил из стакана:

– Так что же с вами делать, полковник? – продолжал монолог Михаил Павлович, меряя шагами кабинет. – С одной стороны, – вы – государственный преступник. С другой, по сравнению с теми, кто был на Сенатской, агнец невинный. Как вы считаете, что бы с вами случилось, ежели бы мятеж погасили в зародыше?

– А разве такое могло бы случиться? – дерзко улыбнулся Пестель. – История, как известно, не имеет сослагательного наклонения.

– Могло произойти всё, – вздохнул Михаил. – Ну, например, император Николай просто бы взял и приказал расстрелять бунтовщиков из пушек. Думаю, что лично вас приказали бы повесить. А вообще, вы понимаете, что натворили? В России началась гражданская война...

– Михаил Павлович, – отозвался Пестель-арестант. – У вас есть возможность пресечь гражданскую войну в зародыше. Езжайте в Петербург и явитесь на суд. Думаю, суд учтет ваше раскаивание.

– Знаете, полковник, я бы, наверное, так и сделал, но при условии, что у вашего «Временного правительства» была хоть толика совести и чести.

– Значит, будет война, – покачал головой Пестель.

– Не я ее начал! – рыкнул Михаил. Пройдясь по кабинету, слегка успокоился: – Впрочем, что же теперь говорить... Все, что могли, вы сделали. Вы не в Санкт-Петербурге, не в стане мятежников, а здесь...

– Я готов к смерти, – спокойно отвечал Пестель. – Я готов, потому что знаю, что прав!

– Не буду спорить с безумцем. Что же мне с вами делать? Владимир Иванович, – обернулся царь к кавалергарду. Командир кавалергардов полковник Пестель вышел вперед и грустно посмотрел на своего брата. Государь меж тем продолжал: – Владимир Иванович, я не могу наказать брата человека, которому обязан жизнью. Если вы мне сейчас скажете: «Михаил Павлович, пусть мой брат уйдет», я его тотчас же отпущу. Итак, ваше слово?

Владимир Пестель закусил губу. Верно, ответ ему давался нелегко. Но все-таки, собравшись с силами, полковник ответил:

– Ваше Величество, я очень люблю своего брата. Мои друзья остались умирать на Сенатской площади. Мой лучший взвод остался умирать в Гатчине. Прости меня, Павел, но их кровь на тебе. И на тебе кровь императора, которому я давал присягу...

Брат Павел только презрительно посмотрел на младшего брата:

– Владимир, наши предки – остзейские немцы. Они бы не колеблясь приговорили к смерти того, кто нарушил установленный порядок.

– Я не немец, брат, я русский, – бросил кавалергард. Повернувшись к Михаилу Павловичу, сказал: – Ваше Императорское Величество, я считаю, что должен выйти в отставку. Понимаю, что в этот час отставка напоминает предательство, поэтому прошу отставки лишь с должности начальника вашего конвоя. Готов встать в строй как простой офицер. Или как нижний чин.

Михаил Павлович подошел к Пестелю, замершему по стойке смирно. Крепко его обнял и прижал к груди:

– Владимир Иванович, я даже не буду слушать ту чушь, которую вы сейчас несли. Вы были и есть командир моего конвоя. Более того, я назначаю вас командиром всей гвардии, которая сейчас наличествует. Отныне вы – генерал-майор. Теперь, о Павле Ивановиче... – Михаил Павлович обвел взглядом присутствующих и остановился на арестанте: – Господин Пестель. Вы преступник, коего следует судить и примерно наказать. Но проводить разбирательство, дознание учинять, нам просто некогда. Думаю, суд признал бы вас виновным с лишением дворянства, чинов и наград. Ордена вы заслужили честно – своими ранами на службе отечеству. Не я их вам давал, не мне и снимать. А вот звание полковника... Если вы враг царю, то нельзя носить звание, которое царь вам и присвоил. Эполеты сами снимете?

– Сам... – Павел Пестель трясущимися руками принялся снимать эполеты, ломая ногти. Золотое шитье и бахрома плохо подавались. Из сострадания поручик Боков подал ему нож для разрезания бумаг.

На вощенный паркет упали эполеты с шинели. Потом настал черед мундира. Пестель, спарывая регалии, закусил губу, чтобы не зарычать от бешенства и досады. Наверное, было бы легче, если бы он стоял перед расстрельной командой...

Когда Пестель сбросил на пол последний знак полковничьего звания, Михаил Павлович тихо сказал:

– Теперь, мещанин Пестель, ступайте прочь!

Глава пятая

La Pologne et le Caucase, ce sont les deux chaut – heres de la Russie¹

Январь 1826 года. Варшава. Царство Польское

В одном из самых красивых дворцов Варшавы, выходящих окнами прямо на Plac Zamkowa², в эту ночь не спали. Генерал от инфантерии князь Иосиф Зайончек принимал в кабинете нетитулованного прапорщика. Но этот офицер привез известие, которое дорого стоило. Хотя если непосвященный человек вскроет конверт, то обнаружит там только несколько строк: «Мы приступили. Дело за вами». Можно, разумеется, трактовать эти строки как призыв к государственному перевороту, а можно решить, что один сосед сообщает другому об охоте.

Магнат, получая пакет от армейского прапорщика, привычно подумал – а не хотят ли его унижить? Но при здравом размышлении решил, что нет. Фамилия офицера была Муравьев-Апостол. Старший брат этого юноши был на сегодняшний день главнокомандующим мятежных войск в Малороссии. У генералиссимуса Тадеуша Костюшко, когда тот начинал восстание против императрицы, войск было еще меньше. Пан Иосиф пытался понять – что подвигло подполковника прислать в качестве посланника брата? Степень важности, когда можно доверять только очень надежному человеку? Уровень представительности, по которой младший представлял всю фамилию? Или же простое желание старшего брата сохранить жизнь младшего в случае неудачи? Усталый до немоты офицер не задумывался о таких тонкостях. Он за день проскакал расстояние от Василькова до Варшавы и хотел теперь одного – упасть и заснуть. Из гордости и упрямства пытался смотреть бодро и весело, но в конце концов не выдержал – задремал. Вроде бы всего лишь на несколько мгновений смежил свинцовые веки, но этого хватило, чтобы увидеть во сне нечто страшное...

...Метель. Серые солдатские шинели и фуражные шапки, подвязанные для тепла платками.

Офицеры, пытающиеся оттереть замерзшие уши тонкими лайковыми перчатками.

Без дороги, по заснеженной степи бредет Черниговский полк – единственный, кто выступил под знаменем свободы. Мешает ковыль, торчащий из снежной корки, комки промерзшей земли. Ноги солдат, сбитые многодневным маршем, кровоточат. Лошадей не осталось ни одной. Даже старший брат, возглавивший полк, идет пешком. Больные и выбившиеся из сил солдаты выходят из строя и падают на снег, умирая. А впереди враг – егеря, кавалерия и артиллерия. И все почему-то знают, что этот бой – последний.

Метель бьет в лицо, мешая идти в атаку. Но страшной метели в лицо бьет картечь. Рядом упал убитый капитан Щепило. Осколок ударил в голову брата Сергея. Кажется, брат жив, но тяжело ранен. Нужно сделать перевязку. Ипполит рвет на полосы какие-то тряпки, но их не хватает. Кровь хлещет фонтаном. Капитан Кузьмин пытается руководить боем, но в суматохе его не слушают. Солдаты отступают, а потом – просто бегут, преследуемые залпами из пушек. А вслед за ними уже спешит кавалерия. «Это конец, – подумал сквозь сон Ипполит, сжимая в руке тяжелый пистолет». К нему подскакал офицер-кавалерист. Кажется, кто-то знакомый, из Александровского гусарского полка. Вот только узнать во сне не смог. Ипполит прицелился, нажал на спусковой крючок, но оружие почему-то не стреляло!

¹ Польша и Кавказ – две главные проблемы России (приближенный перевод с французского). Из перлюстрированной почты европейского дипломата.

² Замковую площадь (польск.)

Плен? «Но я не хочу и не буду сдаваться, – закричал Ипполит шепотом и поднес к губам ствол пистолета. Ствол был мертвенно-холодным. И почему-то пистолет все-таки выстрелил...

– Заснули, пан прапорщик? – услышал Муравьев-Апостол-младший голос хозяина.

– Пшэпрашам, Ваше Высокопревосходительство, задремал, – подавляя зевоту, виновато потер глаза прапорщик.

– Ничего страшного, юноша, – улынулся Зайончек. – Вы проделали дальний путь.

– Простите, Ваше Сиятельство, – извинился еще раз Ипполит, обращаясь на сей раз сообразно титула, а не чина. – И времени на сон нет, да и спать теперь боюсь, – дернул плечом офицер, вспоминая весь кошмар.

– Приснилось что-то нехорошее? – с пониманием кивнул собеседник.

– Еще бы, – вздохнул прапорщик. – Приснилось, что застрелился.

– Странно, – удивился собеседник. – Сколько раз слышал от других, да и по своему опыту сужу – во сне невозможно умереть. Если, конечно, это не «де жа вю».

– А что сие значит? – заинтересовался Ипполит.

– А это значит, сударь, что вы видели те события, которые могли бы с вами произойти. Помните изречение Гераклита? Нельзя дважды войти в одну и ту же реку! Тем не менее в эту реку мы входим. Но можно войти в одном месте, а можно и в другом. Возможно, вы видели то, что могло бы произойти с вами.

– Или же может произойти...

– Нет-нет. Сны не предсказывают будущее, как не старался это внушить Мартын Задека. А его сонники годны только для провинциальных барышень. И то как лекарство от скуки. Сон – продукт работы человеческого мозга. А мозг, как вам известно, во сне отдыхает. Предсказание будущего – это слишком серьезная работа, чтобы делать ее на отдыхе.

– Да вы философ, князь, – восхитился прапорщик.

– Увы, мой юный друг, – покачал головой старый князь – Истинные философы не занимаются политикой, предпочитая наблюдать изменения со стороны.

– А как же Платон? – удивился Ипполит. – Он же считал, что государством должны управлять мудрецы.

– Опирающиеся в своем управлении на воинов, – усмехнулся князь.

Ипполит покраснел. К стыду своему, самого Платона он не читал. Слышал от кого-то из друзей брата. Догадался ли о необразованности прапорщика старый князь или нет, но виду не подал.

– Платон, друг мой, писал об идеальном государстве! – воздел Зайончек указательный палец к потолку, словно показывая – где оно, идеальное государство. – А мы с вами и не политики даже, а так, два заговорщика. Будем ли мы политиками, ведает лишь Господь наш.

– А я еще и изменник России, – печально констатировал Ипполит.

– Полноте! Разве это измена – желать счастья своей стране?

– И вести эту страну к развалу...

От бдительного ока князя не ускользнула грусть, прозвучавшая в голосе юноши:

– Следует ли считать, что вы не разделяете точку зрения вашего брата, а также его друга и соратника Бестужева-Рюмина?

– Что касается самого выступления против деспотии, то я всецело на стороне брата и его товарищей.

– Но вы не разделяете мнение подполковника Муравьева-Апостола касательно права Царства Польского на самоопределение? – настаивал князь. – Почему?

– Я считаю, что Россия должна быть единой. Но это мое частное мнение. Я подчиняюсь решению брата и как младший родственник, и как его подчиненный.

– Знаете, пан прапорщик, – задумчиво протянул Зайончек. – Давайте-ка вопросы политики отложим на потом. А пока – приглашаю вас отужинать со мной. Или уже позавтракать? Впрочем, неважно.

Князь Зайончек позвонил в крошечный медный колокольчик, на звон которого немедленно явился слуга, одетый в кунтуш. Дав хлопну наставления, обратился к гостю:

– Простите, господин Муравьев-Апостол, но мне нужно отдать ряд срочных распоряжений. А пока Збигнев проводит вас в комнату, где можно умыться и привести себя в порядок. Встретимся в обеденном зале.

Збигнев, взяв свечу, повел прапорщика в гостевую комнату, где уже ждала лохань с горячей водой и свежее нательное белье.

– Проше пана офицера снять мундир. Его немедленно приведут в порядок, – сказал слуга на хорошем русском языке. – Возьмите пока охотничий костюм Его Светлости. Не беспокойтесь, к вашему отъезду все будет готово.

– Откуда вы так хорошо знаете русский язык? – спросил прапорщик удивленно. – Учил, – коротко ответил слуга. Потом уточнил: – В плену.

После сладостных мгновений, проведенных в горячей воде, вылезать из лохани не хотелось. Но пришлось. Тем более что вода все равно стала остывать. Эх, сейчас бы в простую деревенскую баньку! Пусть даже и по-черному.

Збигнев помог офицеру обтереться полотенцем и одеться. А потом также молча повел его вперед.

Обеденный зал выглядел, как и положено быть залу магната. Длинный тяжелый стол и массивные стулья, помнившие, наверное, Сигизмунда Вазу, если не Стефана Батория. В огромном камине горели дрова. Огонь очага и свечи в многочисленных канделябрах освещали портреты предков и разнообразнейшее оружие, висящее на стенах. Над камином висел герб хозяина. Разглядывая свиную морду, которую поддерживала человеческая рука и девицу, изображенную сверху, Ипполит силился вспомнить, как будет звучать описание герба по правилам геральдической науки, но так и не вспомнил.

– Моя фамилия из рода Свинка, – услышал он горделивый голос хозяина. – Наш род известен с десятого века. А описание звучит так: «В поле червлёном обращенная вправо чёрная кабанья голова, которой нижнюю часть сломала приставленная к голове человекья рука натурального цвета, одетая в голубой рукав. Над короной видна девица в пунцовом платье; она стоит, приложив обе руки к поясу». Впрочем, пан прапорщик, вам неинтересны исторические изыскания. Прошу к столу!

А яства, расставленные на столе князя, выглядели даже скромнее, нежели яства какого-нибудь мелкопоместного шляхтича. Молочный поросенок, соленые огурцы, пироги да бигус. Вот и все. Правда, скудость стола компенсировал огромный выбор горячительного – от местного пива и медовухи до французского коньяка и испанского бренди.

– Простите за скромный стол, – извинился вышедший к гостю князь. – В последнее время в Варшаве такая мода – ставить на стол только польские закуски. А мой повар-француз наотрез отказывается изучать народную кухню. Посему – эту каналью пришлось рассчитать и вместо повара сейчас мой же денщик. Вам еще повезло. Первое время он готовил только яичницу. А так уже умеет печь пироги. Обещался к следующей неделе сготовить клецки «по-гуральски». Впрочем, давайте есть.

Тем не менее денщик у генерала оказался настоящим кудесником. Поросенок был нафарширован гречкой, сдобрен специями и зажарен до румяной хрустящей корочки. А пироги с курицей, сливами и яблоками просто таяли во рту. Правда, бигус, по мнению Ипполита, можно было бы сделать не таким жирным. Ну, так у каждого свой вкус. Малороссы, да и русские солдаты просто с ума сходили от сырого свиного сала, которое прапорщик терпеть не мог.

В молчании гость и хозяин уничтожили почти всего поросенка. Неслышные, как привидения, слуги подливали господам напитки и меняли тарелки. Муравьеву-Апостолу более всего понравилась медовуха. Чувствовалось, что варили ее с какими-то травами, из которых знакомым показалась только мята. И, в отличие от вин и коньяков, медовуха не очень шибала в голову. Если, разумеется, ее не увлекаться, иначе легко можно оказаться на полу. И хотя собак в обеденном зале не наблюдалось, как это бывало у предков князя, но падать не хотелось. Гость первым сложил «оружие», чем вызвал удивление во взоре хозяина: мол, разучилась молодежь есть.

Но все же настало время насытиться и князю. Вытирая губы белоснежной салфеткой, Иосиф Зайончек вернулся к оставленному по случаю обеда вопросу:

– Пан прапорщик, насколько я понял, вы считаете, что Россия должна быть единой. Но, заметьте, есть разница между Россией и Российской империей. И странно видеть человека, который борется за свободу своей страны, но отказывает другим народам в праве на подобную свободу.

– Ваша Светлость, свободному человеку должно быть все равно, какой он национальности и религии. В новой России все нации и народы будут считаться одним народом, русским.

– Вот как? – деланно удивился князь. – Но, скажите-ка, мой друг, а вы и ваши соратники, спросили эти нации и народы? А хотят они стать русскими? Сколько лет длится война на Кавказе? Я служил там в одна тысяча тринадцатом году. Да-да, пан прапорщик. Прошло уже двенадцать, нет – даже тринадцать лет, а конца этой войны не видно. Не думаю, что тамошние татары и черкесы хотят стать русскими. Да что татары. Поляки и русские, как вы заметили, произошли от одного корня. Но захочу ли я, потомок рода Зайончковских, стать русским? Нет и нет. Кстати, вам знакомо слово «шовинизм» или, как говорят французы – *chauvinisme*?

Вместо ответа Ипполит отрицательно мотнул головой, а князь продолжил:

– Так вот, во время нашего похода на Москву... Кстати, вы знаете, что я участвовал в Бородинском сражении? Нет? Только находился на другой стороне, в корпусе генерала Понятовского... Однажды мне довелось познакомиться с неким Николая Шовини. Он всегда орал о том, что самые лучшие люди в мире это французы. А все остальные – так, пыль под копытами их коней. Французские солдаты его слушали с упоением. Ну, а другие нации, их ведь в походе было немало, иногда и колачивали. Так вот, в желании сделать всех русскими мне чудится тон того самого *Chauvini*.

– Что вы, князь, – опешил от подобного обвинения прапорщик. – Ни у меня, ни у моих друзей и в мыслях не было думать, что русская нация – самая лучшая.

– Но все же вы гордитесь тем, что вы русский? Это прекрасно. Я горжусь тем, что я поляк. Моя любовница Тереза ужасно гордилась тем, что она венгерка. Даже цыгане, трясущие лохмотьями на базарах, гордятся своим происхождением. Но все-таки оставьте каждой нации право жить так, как она этого хочет.

– А как же «Общество объединенных славян»?

– Утопия пана Люблинского? Слышал-слышал.

– А почему же утопия? – обиделся прапорщик. – Прекрасная идея. Объединить в единое целое народы, вышедшие, так сказать, из единой утробы.

– Как вы себе представляете, чтобы Россия, Польша, Сербия, Далмация и Кرواتия сосуществовали вместе, в рамках единого государства? Разный язык, разная вера. Наконец, разная культура. Да и вообще. Чтобы создать такое государство, нужно перекраивать Европу, да и Азию заодно. Захочет ли Европа перекраиваться? Кстати, у Люблинского нелады с географией и историей. Он почему-то причислил к славянским странам Венгрию с Трансильванией и Молдавию. Можно ли кого-то осчастливить насильно?

Муравьев-Апостол задумался. Почему раньше ему не пришли в голову подобные мысли? А может быть, старик прав и в его душе тоже сидит какой-нибудь Николая Шовини?

– М-да, – только и сказал прапорщик. – Я как об этом не задумывался...

– Полноте, мой друг, – успокоил его князь. – Человеку свойственно менять и себя, и свои убеждения. Вот, перед вами – живой пример. Ваш покорный слуга служил под знаменами Костюшко и под флагом Бонапарта. Воевал против России в чине дивизионного генерала, а потом принял от русского императора чин генерала от инфантерии и титул князя, сражался против турок на Кавказе. Не странные ли метаморфозы?

– Возможно, Ваше Сиятельство. Но не мне судить вас.

– Почему же не вам? Вы русский офицер. Лицо, приближенное к руководству. И если у вас и у нас все получится, то мы, будь на то воля Всевышнего, еще побеседуем. Кто знает, не пришлют ли вас опять в Польшу с какой-нибудь миссией? Вы умеете слушать собеседника – это неплохое качество. Чуть больше выдержки, чуть меньше эмоций – и из вас получится неплохой дипломат. Так вот, мне не хотелось бы, чтобы будущий посланник считал князя Зайончека... ну, скажем так, легкомысленным человеком. Я сражался с Россией за свободу Польши. Да, было. Принял от императора Александра чин генерала русской армии потому, что верил – царь даст нам свободу. И хотя я не считаю, что должен перед вами отчитываться, – несколько надменно заявил генерал, – но могу напомнить, что после создания в одна тысяча восемьсот пятнадцатом году польских корпусов звания генералов приняли и другие магнаты.

Юный прапорщик не помнил (в девять лет такими подробностями не интересуются!), но знал от братьев, что после дарования Польше Конституции, сейма, собственных министерств была создана и армия, в которой бывшие генералы Наполеона получили высокие чины. Хлопницкий стал генерал-лейтенантом, Дверницкий и Скржинецкий – генерал-майорами. Польская армия, насчитывающая в своем составе более семидесяти тысяч штыков и сабель, способна в короткий срок снести Волынский и Литовский полки, находившиеся в подчинении наместника императора Константина Павловича. Из русских офицеров никто тогда не мог понять – а зачем это нужно?

– Я посчитал, что на этом месте принесу гораздо больше пользы, нежели в Америке, куда скрылся мой друг Костюшко, – продолжал рассуждать князь. – Но, увы, свободы оказалось мало.

– Простите, а разве Польше не хватало свободы? У вас сейм, правительство, свои законы. Разве этого мало? У вас, князь, больше свободы, чем у остальной России.

– Добавьте сюда еще русского наместника, Великого князя Константина и графа Новосельцева, который, пся крев, – выругался князь, – правит Польшей, как своим именем! Мы, поляки, просили об этом? А русская армия, расквартированная в Варшаве? Ну, пусть не армия, но все же... И потом – разве свободы может быть много?

– Простите, князь. Просто я подумал о тех русских людях, которые служат в Польше. В чём они виноваты?

– Оккупанты? – уточнил князь.

– Для меня они – русские солдаты, – твердо отозвался Ипполит. – Мои братья, ставшие разменной картой у царей и королей. Не вам говорить, что русских солдат набирают из крепостных крестьян. У них нет права выбора.

– А офицеры? Вы уверены, что они мыслят так же, как братья Муравьевы-Апостолы или как генерал Трубецкой?

– Офицеры, как вы знаете, не выбирают места службы. Нам приказывают – мы подчиняемся. Мне будет жаль, если погибнут умные и хорошие люди. И, знаете, князь, возможно, там есть и такие, что мыслят так же, как мы. И вот еще. Если погибнете вы или я – мы будем знать, за что мы погибли. Когда я давал присягу Императору, то тоже знал, за что я погибну. А за что погибнут они?

Князь Зайончек задумался. Потом, пристально посмотрев в глаза собеседника, неспешно выговорил:

– Юноша, вы уже заранее считаете себя виновником гибели солдат? Рановато. Вначале все будет законопристойно. Сейм, выборы правительства. Воевать с русским корпусом нам не с руки. Лучше, если удастся решить дело миром.

– Хорошо бы, – вздохнул Муравьев-Апостол. Чтобы перейти со скользкой темы о правах и свободах на другое, он спросил: – Ваша Светлость, вы сказали, что воевали против нас. А потом упомянули, что служили на Кавказе. Как это понимать?

– О! Тут всё очень просто, – совершенно по-русски всплеснул руками Зайончек. – Я и большая часть моей дивизии – те, кто остался жив, после отступления попали в плен. Нас отправили на Север, в Архангельск. Помнится, там было очень холодно. Но это не самое страшное. Главное – там было ужасно скучно. Солдаты еще чем-то занимались – строили дороги, ремонтировали местный порт, построенный еще при императоре Петре. А нам, офицерам, там просто было нечего делать. От скуки спасались картами и водкой. А потом польским офицерам предложили ехать на Кавказ, воевать с горцами. Вначале мы хотели отказаться, а потом решили – почему нет? Нам сохраняли звания, нас никто не заставлял сражаться с императором Наполеоном, на верность которого мы присягали. А горцы – это те же татары, с которыми у Польши старые счеты. Воевал, видимо, неплохо, потому что вскоре возглавил дивизию, был пожалован званием генерала от инфантерии. А потом мне предложили вернуться в Польшу. Десять лет я ждал этого момента. Польша должна быть свободной. И она ею станет!

1204 год от эры хиджра. Тебриз. Персия.

...Этой зимой Аббас-Мирза, наследник Великого Фетх-Али-шаха и главнокомандующий армией, решил остаться в Тебризе. Гарем был недоволен. Ночью, во время бурных ласк то одна, то другая жена настойчиво убеждали своего мужа и господина в том, что лучше перебраться туда, где теплее – в Исфахан, например. А еще лучше – в Тегеран. Однако повелитель только снисходительно улыбался, не говоря ни да, ни нет. Что на него накатило, не знала даже Айна – самая молодая и любимая наложница. Красавицы пытались узнать причины у старшего евнуха, но тот лишь пожимал толстенькими плечиками, теряясь в догадках. Слуги, с которыми евнух удавалось пообщаться, лишь цокали языком и многозначительно качали головами. Не помогали ни деньги, ни угрозы. Не подействовало даже обещание (Да простит Аллах!) показать кого-нибудь из жен. Стражники гарема казались воплощением Рустама и Сиявуша, спешивших уйти в очередной поход. Одно было ясно, что готовилась война. Иначе, зачем ставить лишние пушки на бывшей мечети Алишаха, превращенной в главную цитадель? Только с кем? Может быть, с Оттоманской империей? А может, с Россией, которая забрала себе исконные земли древнего Персидского царства?

Пока главный евнух размышлял, его владыка принимал в летнем дворце двух европейцев. Гости были разные по возрасту, росту и весу. Но в чем-то они были неуловимо схожи. Возможно, некой надменностью и высокомерием. А еще тем, что их серые сюртуки, не могли скрыть, что гостям более привычны мундиры красного цвета.

Толмач был не нужен. Аббас-Мирза прекрасно говорил на английском. А гости хоть и с трудом, но понимали фарси.

– Итак, вы утверждаете, уважаемый мистер Харрингтон, что наша армия не готова? – с вельможной ленью спросил хозяин.

– Я не говорил, что армия не готова. Она еще недостаточно готова, – выделил нужное слово тот из гостей, что был моложе.

– А ваше мнение, уважаемый Якобс? – обратился наместник ко второму, более старшему и по возрасту и, вероятно, по званию.

– Если вас интересует мое мнение, – более осторожно, нежели его молодой коллега, отозвался Якобс, – нам требуется полгода. Возможно – год. Главная проблема, что ваши сардары не умеют правильно стрелять. Мы с большим трудом научили их строиться в шеренги, научили

их тактике рассыпного строя. Но когда дело доходит до стрельбы трех шеренг, передняя упорно не желает становиться на колено. Ряды смешиваются. В результате – вторая и третья стреляют кучно, без прицеливания. Стрелки мешают друг другу. Во время штыковых атак не соблюдается дистанция. Вы представляете, как важно пехоте иметь правильный строй?

– Я знаю, – коротко ответил Аббас-Мирза.

Он, действительно, хорошо понимал необходимость воинской дисциплины. Пятнадцать лет назад, во время боя на реке Аракс юный Аббас-Мирза командовал одним из отрядов. Русская армия генерала Котляревского разгромила в пух и прах более многочисленные, но недисциплинированные войска, которыми командовал его старший брат. Храбрая и отчаянная кавалерия напоролась на сталь штыков русского каре. А потом второй брат не сумел удержать Ленкорань от войск того же генерала.

Гибель братьев приблизила Аббаса-Мирзу к трону, но заставила задуматься о необходимости дисциплины. А позорный Гюлистанский мир, из-за которого Персия потеряла все северные провинции, заставил его ненавидеть русских. И одновременно уважать! В армии отца находился почти трехтысячный отряд русских под воительством Самсон-хана, беглого русского вахмистра, получившего от шаха звание сартип-эввелъ – генерала. Это были бекадыраны – лучшие гвардейцы Персии. Терять «гвардейцам», русским дезертирам, раскольникам и государственным преступникам, было нечего. На родине их ничего хорошего их не ждало. Нет, не смертная казнь, отмененная еще при Елизавете Петровне. Однако бывших солдат можно было наказывать шпицрутенами. Как показывала практика, даже самый сильный человек выдерживал не более трех тысяч ударов...

Армия Самсон-хана была расквартирована в самом трудном и опасном месте – в провинции Хой, где сходились два опасных направления – русское и турецкое. И хотя Аббас-Мирза был главнокомандующим, но бекадыраны подчинялись только самому Самсону и шаху. Будь у Аббаса-Мирзы хотя бы десять-пятнадцать (а лучше двадцать!) тысяч таких солдат, то Ермолов был бы не страшен вместе со всем корпусом. Однако в случае войны гвардейцы будут в нее втянуты. Особенно те, кто стоит на границе. Но все же ждать еще год не хотелось.

– Ваше Высочество, – как бы между прочим сказал Якобс. – Нам действительно нужен минимум год, чтобы сделать ваши войска регулярной армией. Однако, – сделал он многозначительную паузу, – в свете последних новостей, сроки можно и сократить.

– И что за новости? – насторожился Аббас-Мирза.

– Вам известны декабрьские события в русской столице?

– Ходят разные слухи, – задумчиво произнес наместник. – Но, – выделил он, – только слухи. Я не получал достоверных сведений из Петербурга с декабря прошлого года. Говорят, там был мятеж против нового царя. Но неизвестно, чем он закончился. Вероятно, как это всегда было в России: либо мятежников поймали и повесили, либо возвели на трон того, кто более приятен армии.

– На сей раз все по-другому, – улыбнулся уголками рта Якобс. – После смерти Александра должен был править Константин. Но он отрекся. Новый император Николай убит.

– Однако у императора Павла оставались еще сыновья, – показал свою осведомленность наместник.

– Императором провозглашен младший сын – Михаил. Но он в Москве. В Петербурге власть принадлежит Временному правительству.

– Временному правительству.... От кого или от чего? От какого времени? – не понял Аббас-Мирза.

– Временному – это означает, что власть захватила горстка офицеров, которые управляют страной до выборов общенародного правительства.

– Народ будет выбирать правителя? – ужаснулся персидский принц.

– И даже не одного правителя, а нескольких. Одни будут править, а другие – следить за тем, как они правят.

– Могу себе представить, что будет с такой страной, – покачал головой Аббас-Мирза. – В одной древней поэме говорится о том, что некий принц решил отдать власть народу. Выстроил город, где все должны жить счастливо. А что было дальше, господа?

– Кажется, на город напали враги и всех уничтожили, – неуверенно сказал Харрингтон.

Англичанин не читал «Шахнаме» великого Фирдоуси. Но догадаться о последствиях было несложно.

– Значит, в России началась гражданская война, – пришел к выводу мудрый Аббас-Мирза. – Но корпус Ермолова достаточно силен. Он насчитывает пятьдесят тысяч регулярной пехоты и сорок тысяч казаков.

– Кавказский корпус сейчас не настолько силен, – сказал Харрингтон. – Наши люди сообщают, что полки Ермолова разбросаны по всему Закавказью. Наш посол в Петербурге еще летом получил известие, что генерал неоднократно просил прислать подкрепление – несколько казачьих полков и пехотную дивизию. Подкрепление должно было прибыть нынешним летом.

– Новости прекрасные, – не скрыл своей радости персидский военачальник. – Вероятно, в суматохе гражданской войны подкрепления генерал не получит. Значит, если мы начнем, то...

– Не забывайте, Ваше Высочество, что если вы начнете, то за спиной у русского корпуса остается непокоренный Кавказ.

– Я помню, – кратко сказал наместник.

Англичане успели неплохо изучить Аббас-Мирзу – если тот стал говорить коротко – значит, уже что-то замышляет. Что ж, пусть замышляет. Если не хочет им что-то рассказать – не суть важно. Они и так знали, что летом прошлого года мятежный шейх Бек-Булат поднял восстание. Горцы овладели постом Амараджиурт, пытались взять крепости Герзель и Грозную. Восстание еще продолжалось и, не исключено, что оружие для восставших поступало из Ирана. Кроме того, им было хорошо известен муштенда провинций Тебриза и Хой Мирзы-Мехты, за которым шли сотни мулл и десятки тысяч мусульман. Мечтой муштенды было отбросить русских не только из Закавказья, а загнать их за Кавказ. А потом преследовать, преследовать и преследовать неверных до тех пор, пока вся Русская империя не исчезнет с лица земли, а все гяуры не встанут под зеленое знамя ислама. Покончив с русскими можно приняться и за франков и дойти до Британских островов.

Мирзу – если тот стал говорить коротко – значит, уже что-то замышляет. Что ж, пусть замышляет. Если не хочет им что-то рассказать – не суть важно. Они и так знали, что летом прошлого года мятежный шейх Бек-Булат поднял восстание. Горцы овладели постом Амараджиурт, пытались взять крепости Герзель и Грозную. Восстание еще продолжалось и, не исключено, что оружие для восставших поступало из Ирана. Кроме того, им было хорошо известен муштенда провинций Тебриза и Хой Мирзы-Мехты, за которым шли сотни мулл и десятки тысяч мусульман. Мечтой муштенды было отбросить русских не только из Закавказья, а загнать их за Кавказ. А потом преследовать, преследовать и преследовать неверных до тех пор, пока вся Русская империя не исчезнет с лица земли, а все гяуры не встанут под зеленое знамя ислама. Покончив с русскими можно приняться и за франков и дойти до Британских островов.

Далекie планы туземного владыки интересовали англичан мало. Но пока персы и дикие горцы могут прекрасно послужить в борьбе против соперника в Азии и на Кавказе. Потом, когда русских удастся вытеснить с Кавказа, нужно думать – как обуздать дикарей. Лучше всего найти для них нового врага.

Кавказ. Месяц спустя.

В доме Хаджи-Магомеда, самого уважаемого человека аула Алерой, собрались старейшины ближайших селений. Аксакалы неспешно вешали на деревянные колышки в стенах оружие и бурки, рассаживались на подушки вокруг длинного невысокого стола, на котором были только камгены с водой и чурек. Не от жадности Хаджи-Магомеда, нет. Хозяин мог позволить себе забить десять черных барашков, чтобы угостить гостей. Сегодня собрались не ради еды и питья. Главное, зачем собрались уважаемые люди – послушать послание, привезенные Ахмедом.

Ахмед – одноглазый посланник далекой Персии, был не простым человеком. Когда-то его звали иначе. Как именно, он уже и сам забыл. В юности он хотел стать муллой, учился в медресе. У него было три старших брата, любивших его и считавших, что младший, толковавший Коран как настоящий кади, будет не простым муэдзином, а улемом. А может, если будет на то воля Аллаха, то и имамом. Но однажды братья вместе с друзьями-джигитами отправились за Терек отбивать табуны у русских, но вместо добычи домой вернулись их кони, навьюченные трупами. Джигиты попали в засаду. И хотя они храбро сражались, но силы были неравны. Казаки, перестреляв и перерубив весь отряд, оставили в живых только старшего брата, отрубив тому правую руку. Брат отвез домой страшный груз, а потом, взяв кинжал в левую руку, ушел мстить русским.

Когда Ахмед узнал, что брат убит, так и не успев отомстить, а его тело русские солдаты бросили в зловонную яму, он покинул медресе. Вскоре юноша стал мюридом Гамзат-Бека, правой руки имама, поклявшегося, что выбьет русских с Кавказа или умрет. Тело Ахмеда покрывало множество шрамов от казачьих сабель, осколок картечи, застрявший в груди, мешал дышать. Солдатский штык выколол глаз, пройдя насквозь. А если из тела выковырять все пули, то можно стрелять целый день. Но пока жив, он будет убивать русских! Мюрид Гамзат-Бека верил, что весь его народ возьмет в руки кинжалы и ружья, а если ружья для кого-то не хватит, то пригодится и прадедовский лук.

Ахмед держал в руках письмо, хрупкое от грязи и сальное от тела. В одном месте зияла дыра от пули. Провести послание из Персии через Азербайджан, переполненный русскими войсками, было нелегко. Но он сумел.

– Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного, – читал Ахмед. – К вам, братья, обращаются братья по вере из Персии. Мы объявляем джихад неверным. И если вы мужчины, то присоединитесь к нам. Вместе мы выбросим русских в море и отбросим их за Кавказский хребет. Над трупами наших врагов мы обнимем друг друга. Но если среди вас нет мужчин, то скоро ваши жены будут ходить с открытыми лицами, дочери – с голыми ногами, а сами вы будете пасти свиней. Помните, что погибшие на правой войне попадают в рай!

В сакле настала тишина. Аксакалы сидели и думали. С одной стороны – русских резать надо. С другой – уж слишком дорогой кровью дается война с неверными. Форпосты и крепости подходили прямо к аулам. Просеки, вырубленные по приказу Ермолова, мешали джигитам свободно нападать на русские обозы. А сколько селений, выказавших неповиновение, было выжжено, а их жители сосланы на равнины, под надзор солдат и казаков? Все ждали слов Хаджи-Магомета. И он их сказал:

– Если персы начнут войну против неверных, здесь останется только горстка солдат, а также верные русским ингуши и осетины. Наш аул выступит.

По сакле пронесся негромкий шепот остальных аксакалов:

– И наше селение не останется в стороне.

– И наше!

– И мы выйдем вместе со всеми!

– Но как быть с другими? – поинтересовался Хаджи-Магомед.

– Я объехал много селений, – сказал Ахмед.

– Все мужчины готовы взять в руки оружие. Через месяц вся Ичкерия и Дагестан загорятся праведным огнем джихада, от которого у гяуров будет гореть земля под ногами.

– Да будет так!

– Иншалла!

Глава шестая

Козаки и пластуны

Февраль-апрель 1826 года. Малороссия

Все получилось удачно. Восставшие без боя дошли до Могилева и благополучно захватили город, не встретив никакого сопротивления. Да и кто его мог оказать? Батальон пехоты, призванный стать охраной генерала и его штаба? Штабные офицеры или их денщики? Они даже не сразу и поняли – а что произошло? Пока разбирались, все наиболее важные здания оказались под контролем восставших, а командующий армией генерал Остен-Сакен – под домашним арестом.

Захолустный Могилев и стал центром восстания, куда съезжались все, получившие известие от Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. Кому-то удавалось привести с собой людей. К сожалению, откликнулись не все. Начальник штаба 2-й армии Киселев, втайне сочувствовавший мятежникам, отказался возглавить их войска. Но к счастью, из Киева прискакал генерал-майор Сергей Григорьевич Волконский, приведя с собой половину бригады.

С прибытием генерала Муравьев-Апостол вздохнул с облегчением. Командовать батальоном, полком и бригадой он мог. С дивизией справлялся, но уже с натяжкой. В Могилеве же войск набралось на целый корпус. Уж коль скоро Сергей Григорьевич носит на плечах «густые» эполеты (правда, выше бригады ничем не командовал, но все лучше, чем командир батальона) – ему и карты в руки. Разумеется, штабные. Кроме того, прибытие князя Волконского, героя войны осмьсот двенадцатого года, портрет которого украшал Георгиевский зал Зимнего дворца, внесло изрядное воодушевление.

Сам Волконский тоже без особой радости принял командование. Но деваться было некуда – других генералов поблизости не нашлось. Где-то в Киеве обрелся Юшневский, но тот был по интендантскому ведомству.

В Могилеве восставшие столкнулись с первой проблемой. Чем кормить корпус, если в армейских магазинах провизии и фуража рассчитано на два батальона? Прежние интенданты куда-то подевались (верно, сбежали от греха подальше), а новых, кои обеспечивали бы покупку муки, крупы и прочего, еще не было. Впрочем, лишних денег тоже не было. Брать фураж и провиант у пейзаев сообразно законов военного времени (проще говоря – грабить!)? Потом решили: отбирать провизию неприлично, не поляки или французы, а свои, родные. Так что придется платить, пока не закончатся имеющиеся деньги. А когда закончатся, тогда и видно будет. Скорее всего, придется выпускать квитанции, наподобие тех, которыми рассчитывалась армия во время Заграничного похода. (Расплачивались потом по ним лет десять, да так толком и не рассчитались...)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.